

очарование

ЛИЗ КАРЛАЙЛ

Красивая
как ночь

Очарование (АСТ)

Лиз Карлайл

Красивая как ночь

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Карлайл Л.

Красивая как ночь / Л. Карлайл — «Издательство АСТ»,
2020 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-134919-6

Хелен де Северз понимала, что никогда не выйдет замуж из-за скверной репутации своей матери, и ничуть не переживала по этому поводу, ведь ее призванием было лечение психологически травмированных детей. Как раз таких, как маленькая дочь вдовца Кэмдена Ратледжа, который был когда-то первой, еще детской любовью Хелен. Кэмден, в свою очередь, тоже не лелеял никаких романтических и уж тем более брачных планов – ему было просто не до того. Слишком много забот и хлопот каждый день прибавляло своему главе все его большое, буйное и непредсказуемое семейство – от легкомысленного младшего брата до капризной кошки. Однако какие преграды и трудности могли разделить Кэмдена и Хелен, если с первой же новой встречи в их сердцах вновь загорелось пламя, которое оба считали давно угасшим?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-134919-6

© Карлайл Л., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог,	6
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6,	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Лиз Карлайл

Красивая как ночь

© S.T. Woodhouse, 2000

© Перевод. Т.В. Потапова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Пролог, в котором старому дьяволу приходит конец

В долинах Глостершира еще лежал густой октябрьский туман, но достопочтенный господин Кэмден Ратледж встал до рассвета, чтобы подкрепиться обычным для него завтраком – черным кофе и двумя ломтиками хлеба, тонко намазанными маслом. Когда в доме раздались леденящие душу крики, он уже более часа старательно, хотя и без всякого интереса, корпел над изучением финансового состояния дел имения. Для своего занятия он выбрал кабинет отца. Впрочем, если излагать события в строгой последовательности, в этот момент – или чуть раньше – кабинет уже перестал принадлежать его отцу.

Из старомодной учтивости комнату называли «кабинетом его отца», несмотря на то что распущенный старый дьявол никогда не утруждал себя никакими другими занятиями, кроме азартных игр. И уж конечно, он ни разу не заглядывал в амбарную книгу. Более того, домоправительница Халкот-Корт, женщина в летах, клялась, что за все годы ее службы даже носок ботинка графа Трейхерна не показывался в этой комнате. Правда, в один особенно бурный предновогодний вечер он был замечен за тисканьем служанки в коридоре, совсем рядом с кабинетом.

Но оставим в стороне недостаток учености его отца. Главное, Кэма оторвали от важных дел крики, о которых говорилось выше. Они начались ровно в семь пятнадцать и были явно женскими. Кэм пришел к такому выводу на основании того, что они были громкими, пронзительными и несмолкающими. Гул, вызванный ими в древних коридорах Халкота, отдавался эхом от увешанных гобеленом стен, заставив целую армию слуг выскочить из кухни и кладовок. Всем не терпелось узнать, что опять натворил старый лорд. И все они понеслись мимо кабинета на шум, грохоча башмаками по крепкому дубовому полу. Так как подобная обстановка совершенно не располагала к выполнению и без того невыполнимого задания, Кэм, вскочив со стула, устремился к двери, но в этот момент на пороге возник дворецкий, выглядевший бледнее обычного.

– Боюсь, это новая гувернантка, сэр, – без предисловий сообщил он, поскольку ему было известно, что молодой хозяин предпочитает узнавать плохие новости так же, как предпочитает пить виски – неразбавленным, в малом количестве и редко.

Кэм возмущенно швырнул на стол новое перо.

– О господи! Что на этот раз?

– Она в коридоре, наверху, сэр, – колебавшись, ответил посеревший дворецкий.

– Я уже понял, Милфорд, – приподнял черную бровь Кэм.

– И она... не совсем одета, то есть совсем раздета, сэр.

– Неужели? – Кверху взмыли обе брови. – И что, никто не может принести ей халат?

Крики немного стихли. Милфорд откашлялся:

– Да, сэр, миссис Нафлз позаботится об этом, но речь скорее о... его светлости. Боюсь... э... гувернантка была в его... вашего отца... спальне... и...

– Черт возьми, Милфорд! – Вопреки желанию Кэм схватился за виски. – Прошу, не говори мне.

– Ах, сэр, – скорбно произнес дворецкий, – боюсь, что...

Кэм попытался заставить себя не реагировать, но, учитывая непристойные склонности отца, унижение было, видимо, неизбежным.

– Что ж, его голая задница – чертовски неприглядное зрелище, – без обиняков заявил он. – Я бы, пожалуй, тоже закричал.

– Да... то есть нет... – Милфорд потряс головой, будто собираясь с мыслями. – Вернее, я бы даже сказал, что у его светлости абсолютно голый зад... то есть он голый, сэр. Но кроме того, боюсь, что он... он...

– Да говори же ты, наконец!

– Он мертв.

– Мертв? – Кэм недоверчиво посмотрел на слугу. – Мертвый, как в... – Он сделал неопределенное движение рукой.

– Ну... просто мертв, сэр. Как обычно. Это, простите мою смелость, наверное, от переутомления. Миссис Нафлз говорит, что это, конечно, удар, поскольку его светлость покраснел больше, чем всегда. Я бы сравнил цвет его лица с неудачным бургундским. И глаза выкатились еще больше, чем... в общем, не важно. Как бы то ни было, он человек в летах, а гувернантка, мисс Эггерз... довольно живая и...

– И явно обладающая чрезвычайно сильными легкими, – сухо перебил дворецкого Кэм. К этому моменту крики перешли в истерические рыдания.

– Да, сэр. Очень хорошие... легкие, сэр.

– А где моя дочь, Милфорд? Смею ли я надеяться, что она не была свидетельницей катастрофы?

– О да, сэр. Мисс Ариана еще поживает в детской.

– Хорошо. – Кэм опять сел. – Благодарю, Милфорд. Ты свободен.

– Благодарю вас, сэр. То есть... милорд. – Дворецкий начал пятиться из комнаты, потом остановился. – Кстати, милорд, что нам теперь делать? С молодой дамой? Мисс Эггерз?

Кэм раскрыл еще одну амбарную книгу и, не поднимая головы, стал переписывать цифры в аккуратную колонку.

– А как долго, – наконец спросил он, – мисс Эггерз согревала постель моего отца? И насколько охотно?

Дворецкий не стал изображать неведение. Скрестив руки за спиной, худосочный, костлявый дворецкий посмотрел в потолок и сделал мысленный подсчет.

– Около двух месяцев, по словам домоправительницы. И, судя по всему, девушка очень желала стать новой леди Трейхерн.

– Ну, тогда все просто, не так ли? Я, безусловно, не собираюсь жениться на ней, так что посадите ее в следующую почтовую карету, отправляющуюся в Лондон.

– Да, милорд. А... тело?

Опершись локтями о стол, Кэм тяжело вздохнул и закрыл лицо руками.

– Пошли за священником, Милфорд. Ничего другого сделать для отца не могу. Теперь он в руках Господа. И я Господу не завидую.

Хелен де Северз вскинула голову и, блестя глазами, стала рассматривать сидевшего напротив пожилого господина, со снисходительным безразличием откинувшегося на спинку кресла. За открытым окном раздавались стук проезжающих экипажей, грохот подвод, истошные крики утреннего торговца овощами, направлявшегося к стенам Старого города.

Оживленный шум улицы резко контрастировал с гнетущей тишиной кабинета, стены которого были обиты дубовыми панелями. Наконец стряпчий подался вперед, упершись длинными пальцами в стол, словно готовился встать и проводить молодую посетительницу к двери.

Но вместо этого старик откашлялся и начал барабанить пальцем по крышке стола, как бы подчеркивая значительность предупреждения, которое собирался произнести.

– Мисс де Северз, вам необходимо осознать все обстоятельства работы в этом месте, – сказал он, насупив седые брови. – Боюсь, ребенок лорда Трейхерна... э... довольно... как бы это выразиться... странный.

Хелен де Северз, прямая спина которой демонстрировала решительность, сумела выпрямиться еще на пару дюймов. Она была высокой женщиной, запугать ее было нелегко, да и такая поза обычно действовала на собеседника.

– Прошу прощения, какой, вы сказали, ребенок? – насмешливо переспросила она.

– Странный. То есть не совсем нормальный, – холодно повторил стряпчий.

Хелен подавила раздражение.

– Я привыкла к непростым случаям, мистер Брайтсмит, – сказала она с натянутой улыбкой. – Насколько я понимаю, меня и пригласили из-за сложности этой работы, не так ли? Но странный и ненормальный кажутся мне довольно резкими словами по отношению к любому ребенку.

Стряпчий пожал плечами:

– Мне дали понять, что девочка может оказаться безнадежно тупой. Мы просто не знаем. Вряд ли даже вам удастся что-то сделать. Однако лорд Трейхерн, видимо... не теряет надежды. Он хочет нанять для девочки человека, имеющего специальную подготовку и опыт.

Хелен долго молчала. С тех пор как она вернулась из-за границы, жизнь в Лондоне была невероятно скучна. Кроме того, дальнейшее бездействие самым плачевным образом скажется на ее материальном состоянии. Ей необходимо получить это место, и не только ради денег. У ее няни преклонного возраста плохо со здоровьем, и она должна оставаться в Англии. Но более всего Хелен нужна захватывающая работа, ибо, пытаясь заниматься чем-либо другим, она поняла, что не может быть счастлива без любимого дела.

А рассердив не столь просвещенного стряпчего лорда Трейхерна, она, естественно, не получит это место. Ее ведь готовили учить детей, а не напыщенных стариков, напомнила себе Хелен. Оценив ситуацию, она взмахнула рукой в изящной перчатке и наградила Брайтсмита самой очаровательной из своих улыбок. А от такого взгляда может растаять сердце даже суровейшего мужчины. Она видела, как часто ее покойная мать использовала этот прием – и довольно безжалостно.

– Дорогой мистер Брайтсмит, я абсолютно уверена, что способна помочь его светлости. Прошу вас, будьте настолько любезны и сообщите мне что-либо об этом ребенке. Человек с вашим опытом может оказать неоценимую помощь в такой непростой ситуации.

Стряпчий явно смягчился и, порывшись в бумагах, вытащил большой лист.

– Итак, Ариане шесть лет. Она живет в Глостершире с вдовствующим отцом, лордом Трейхерном, который поручил мне найти... специального учителя. Очень квалифицированного, имеющего опыт работы с подобными детьми. Боюсь, мисс де Северз, что больше мне ничего не известно.

– А по поводу расстройств у ребенка?

– Расстройств? – Брайтсмит растерянно посмотрел на нее. – Ребенок не говорит! Она немая!

От раздражения Хелен опять забыла жеманно улыбнуться.

– Немая? – лукаво спросила она. – Вы имеете в виду, что она не может говорить, сэр? Или не хочет говорить?

– Неужели, мисс де Северз, тут есть разница, которой я не улавливаю? – слегка занервничал старик. – По-моему, все просто – ребенок не может говорить.

Разница была, и довольно существенная, однако Хелен не собиралась утруждать себя разъяснениями и метать бисер перед свиньями. Она просто откинулась на спинку стула и только в этот момент почувствовала, как напряженна ее поза.

– Понятно. И ребенок никогда не говорил? Даже совсем малышкой?

– О, да! Именно так. Младенцем девочка начала что-то лопотать, но теперь, похоже, у нее совсем не получается.

– А! Я изучала несколько подобных случаев.

– Правда? – Казалось, на миг она даже выросла в глазах стряпчего, затем, будто вспомнив, что перед ним лишь женщина, он посуровел. – Ребенок выглядит вполне здоровым. Я сам видел ее. Хотя взгляд у нее... какой-то дикий.

– Вправе ли вы сказать мне, что с ней случилось, мистер Брайтсмит? – довольно резко спросила Хелен, но, заметив его надменный взгляд, тут же почтительно опустила глаза. – Видите ли, сэр, я ведь не смогу помочь девочке, не имея представления об обстоятельствах ее жизни.

– Обстоятельствах?

– Да. Я приглашена сюда потому, что у меня есть опыт работы с детьми, которые, как вы говорите, имеют трудности. Более того, я изучала много аналогичных случаев, и, с моей точки зрения, внезапная потеря речи у детей, до того развивавшихся вполне нормально, часто вызвана каким-то обстоятельством или кризисом. – Задумавшись на мгновение, Хелен нахмурила брови. – Возможно, это какая-нибудь опухоль, давящая на... Или, может, ее ударили по голове? Конечно, способна нарушить нормальное развитие девочки и душевная травма...

– ...Благодарю, мисс де Северз, – перебил ее Брайтсмит, сделав предупреждающий жест. – Можете быть уверены, ребенок не получал никакой травмы, и я уже убедился, что вы имеете достаточную квалификацию для работы в этом месте. Вам наверняка известно, что письмо от вашей немецкой баронессы из Пассау содержит много дифирамбов в ваш адрес, как и ваши прежние рекомендации.

Хелен довольно часто проходила собеседование, чтобы понимать, когда чаша весов склонилась в ее сторону.

– Вы очень добры, сэр, – тихо сказала она и замолчала в ожидании.

Словно прочитав ее мысли, стряпчий придвинул к ней запечатанное письмо.

– Должен сказать, мисс де Северз, вы слишком дорого стоите для гувернантки... или кем вы там работаете.

– Гувернанткой, – покладисто согласилась Хелен.

– Вопреки моему мнению его светлость согласился на ваши чрезмерные требования. Девяносто фунтов в год и задаток в половину суммы. Мне требуется ваша подпись вот здесь. – Он протянул ей документ. – Подтверждающая ваше намерение отработать у Трейхерна весь срок. Прежние гувернантки долго не задерживались, а он хочет, чтобы в жизни его дочери было определенное постоянство.

– Разумно и справедливо. – Хелен подписала документ, мысленно поблагодарила Господа и, взяв конверт, положила в сумочку. Аванса достаточно, чтобы отремонтировать ее старый домик, а также купить няне угля на зиму. – Кроме того, если это вас успокоит, сэр, я, пожалуй, чуть больше чем гувернантка. Его светлость не будет разочарован, – добавила Хелен с уверенностью, которой не испытывала.

– Смелое утверждение, мисс де Северз, – ответил Брайтсмит и начал писать адрес.

Хелен снова улыбнулась:

– Я всегда думала, что Вергилий выразил это лучше всех. Судьба любит отважных. Мне кажется, я верно перевела, не так ли?

– Да, совершенно точно, – сухо произнес стряпчий, протягивая Хелен сложенный лист. – Это разъяснение, как вам добраться, мэм. Вас ждут в Честоне-на-Водах через неделю, во вторник.

Хелен почувствовала, что у нее перехватило горло.

– В Ч... Честоне?

– Есть какие-либо сложности? – Брайтсмит устремил на нее пристальный взгляд.

– Нет. – Она с трудом проглотила комок в горле и зажала в руке бумагу. – Вовсе нет.

– Прекрасно. – Стряпчий встал. – И еще, мисс де Северз...

– Да?

– Непременно захватите с собой что-нибудь черное. Ленты и все такое. В доме его светлости траур.

Хелен машинально кивнула, словно в трансе, покинула кабинет, прошла через приемную и спустилась по длинной лестнице на улицу. Пройдя к нанятому экипажу, она дрожащей рукой оперлась на него и даже не заметила кучера, бросившегося ей на помощь.

Невидящим взором она уставилась на листок бумаги, который вручил ей Брайтсмит. Не может же быть. Неужели тот самый Честон? Так близко от Халкота... Это невозможно. Ведь прошло больше десяти лет. Да и Глостершир – старое графство, там множество прекрасных имений, но она никогда не слышала о графе Трейхерне.

Пока Хелен пыталась успокоить себя, прогрохотавшая мимо пустая тележка забрызгала грязью подол ее платья.

– Слушайте, мисс, я не могу ждать целый день, – заволновался кучер.

Она наконец развернула листок бумаги, вглядываясь в нацарапанные пером буквы. «Кэмден Ратледж, лорд Трейхерн. Халкот-Корт, Честон-на-Водах, Глостершир». Все закружилось у нее перед глазами.

– Мисс? Вам плохо? Что это с вами?

Голос, теперь уже настойчивый, доносился из темной глубины. Хелен почувствовала, что кучер распахнул дверцу кареты и подталкивает ее внутрь. Кэмден Ратледж, лорд Трейхерн...

– Лучше доставлю вас побыстрее в Хэмпстед, так? – неловко добавил кучер, захлопывая за ней дверцу.

– Д...да, – согласилась Хелен, но он уже торопливо взбирался на козлы и не слышал ее.

Глава 1

Мисс Мидлтон едет домой, в Глостершир

Новоиспеченный граф Трейхерн стоял у окна спальни, рассеянно прихлебывая остывший кофе и размышляя над недавними событиями в своей жизни, когда на подъездной аллее появилась его большая дорожная карета, возвращавшаяся из соседней деревушки Честон. За ней тащилась незнакомая лорду Трейхерну повозка. Граф устало взирал на безупречно подстриженные газоны Халкот-Корта, на то, как тусклый ноябрьский свет отражается от блестящей крыши экипажа, и гадал, какие шаги ему следует предпринять дальше.

Он не любил неопределенности, ибо предпочитал быть хозяином положения, однако прошедший месяц выдался более трудным, чем он ожидал. Смерть отца, конечно, освободила его от тяжелого бремени, но оказалось, что это была только одна проблема в бесконечной веренице других.

И самой настоящей из этих проблем явилась Ариана. После отъезда ее последней гувернантки, пусть даже некомпетентной, девочка еще больше погрузилась в свое непонятное молчание, и Кэм пребывал в растерянности, не представляя, что он может сделать для ребенка. За все свои двадцать девять лет граф никогда не чувствовал себя таким одиноким и таким старым.

Пока его камердинер бесшумно убирался в спальне, Кэмден смотрел на карету и вдруг стал молиться о том, чтобы она принесла хотя бы часть того, что ему сейчас так необходимо в жизни. Как это ни странно, у него появилось нелепое ощущение, что так оно и будет, хотя он никогда не принадлежал к числу оптимистов.

Захрустел гравий, карета подъехала к ступеням лестницы, через секунду один лакей бросился открывать дверцу экипажа, а второй начал выгружать багаж. Сквозь открытую дверцу Кэм увидел грациозно протянутую руку и полоску белой кожи между перчаткой и манжетой. И рукав, и перчатка были удивительного густо-лилового цвета, как хорошо ограненный аметист при свете свечей. Неброский и в то же время насыщенный цвет.

На первый взгляд ничто в прибывшей женщине не напоминало гувернантку – ни ее наряд, ни манера держаться. Кэм даже не мог объяснить, почему он так решил. Она спустилась по ступеньке на дорогу. Ее темные блестящие волосы были уложены в строгую прическу, которая всегда ассоциировалась у Кэма с обликом гувернантки. Но у этой женщины и прическа выглядела необычной, поскольку ее венчала темно-лиловая шляпка с легкомысленным черным пером.

Форейторы выгружали багаж, а она, стоя у повозки, руководила ими как-то чересчур решительно, явно по-галльски. Боже милостивый, она что, приехала навсегда? Ведь перед дверью его особняка уже выросла гора коробок и сундуков. Кэм оторопел. Он никогда не видел, чтобы у гувернантки имелось столько вещей, да и путешествовать с таким огромным багажом весьма затруднительно.

Это казалось не совсем подобающим. Она ведь приехала в сельскую местность, здесь ей вряд ли понадобятся наряды и украшения, если таковым было содержимое ее багажа. А из чего же еще он мог состоять? Граф вспомнил, что поначалу имя мисс де Северз, явно французское, вызвало у него сомнения, когда Брайтсмит порекомендовал ее. И возможно, его колебания были оправданными.

Ему нужна крепкая духом, лишенная причуд англичанка, но по мере того, как росла гора багажа, у Кэма возникло опасение, что он получит совсем иное.

Будь проклято это его «везение».

– Крейн, – позвал он камердинера, старательно чистившего его сюртук. – Посмотри. Что это за багаж, на твой взгляд?

Дородный камердинер подошел к окну.

– Милорд... это в основном багажные ящики. Четыре. – Он пристально всматривался. – Еще два сундука, дорожный несессер и складная дорожная сумка. Она перевязана веревкой.

– Отличное зрение, – пробормотал лорд Трейхерн, переводя взгляд с багажа на новую гувернантку.

Он не мог отвести от нее глаз, как ни старался. Хелен де Северз завораживала даже изда- лека. Несмотря на высокий рост, она шла по дорожке легко, почти грациозно. Не семенила, как большинство женщин, а шла, уверенно поднимая подбородок и развернув плечи.

Черная накидка и платье соответствовали трауру, царившему в доме, но она будто све- тилась изнутри. Сам того не желая, Кэм принялся гадать, какого цвета у нее могут быть глаза. Наверняка тоже необычного.

Кэм поднес к губам чашку в тот момент, когда новая гувернантка подняла голову, одарив сияющей улыбкой помогавшего ей лакея, и он едва не подавился остывшим кофе.

Черт побери, Хелен!

Не Хелен де Северз. Хелен Мидлтон. Хотя минуло одиннадцать бесплодных лет и все его юношеские иллюзии окончательно развеялись, Кэм был совершенно уверен, что узнал бы ее где угодно. Поначалу он даже подумал, что его кучер забрал не ту пассажирку, и где-то среди шума постоянного двора «Роза и Корона» стоит растерянная гувернантка, которую забыли встретить. Простая, разумная женщина средних лет в подобающем одеянии. И все же это не ошибка. Граф был совершенно уверен.

Боже милостивый! Он молился о чуде, рассылал объявления с приглашением гувер- нантки, и кого же Всевышний с Брайтсмитом прислали ему? Хелен!

Когда он увидел ее рекомендацию, необычное имя сразу бросилось ему в глаза, погру- зив его в воспоминания о первых испытанных им сладостных мгновениях. С тех пор он, что совершенно необъяснимо, плохо спал. Вероятно, его подсознание цеплялось за те воспомина- ния. Может быть, он надеялся увидеть ее.

Надеялся?

О нет! Единственное, на что он надеялся, – это больше никогда не видеть Хелен Мидлтон.

Ее проводили в большой, но просто обставленный мужской кабинет, предложили уго- щение, от которого Хелен отказалась, и в ожидании его светлости оглядела комнату, отметив про себя ее явную мужскую ауру. В уголке мирно дремала, свесив белую лапу, толстая рыжая кошка, занявшая большую часть массивного кожаного кресла.

– Ah, le chat botte, – пробормотала Хелен, присев. – Bonjour!

Сонная кошка приветствовала ее широким зевком, продемонстрировала все свои зубы, потянулась и опять задремала.

Хелен прошла по кабинету, где никогда раньше определенно не бывала. Это скорее библиотека, потому что в центре стоял огромный стол, а вдоль трех стен тянулись массивные, от пола до потолка, книжные полки. В центре задней стены было глубокое окно эпохи короля Иакова I, на подоконнике лежала старая подушка.

Это была первая изношенная вещь, которую Хелен увидела в Халкот-Корт. Все осталь- ное выглядело безупречным – от элегантных колонн у въезда в имение до явно новых турецких ковров, украшавших внушительный холл. Разительный контраст по сравнению с пребывавшей в запустении усадьбой в дни ее юности! Новый лорд Трейхерн, очевидно, взял в ежовые рука- вицы своего беспутного папашу, не допустив, чтобы имение превратилось в груды развалин.

Взгляд Хелен скользил по книжным полкам, где стояли разные книги, сначала по темам, потом по размеру. Шкаф у окна был целиком отдан поэзии, и некоторые сборники вышли

совсем недавно. Она взяла потертый томик, и он, к ее удивлению, раскрылся на одном из ее самых любимых стихотворений лорда Байрона – «Красота подобна ночи».

Она поставила книгу на полку и задумчиво пробежала взглядом по корешкам. Надо же, как странно. Покойный и, вероятно, не сильно оплакиваемый Рэндольф Ратледж никогда не производил впечатления человека, увлеченного литературой. Но если ей не изменяет память, его светлость унаследовал имение от Кэмденов, родителей жены. Отсюда и имя его старшего сына. Может быть, все тома в красивых переплетах принадлежали им. Или это книги самого Кэма.

Она мысленно посмеялась над своей глупостью. Конечно, это его книги. По условиям брачного контракта его матери новый лорд Трейхерн всегда был наследником Халкота. Но потом, видимо, старый Рэнди Ратледж каким-то образом заполучил титул, который теперь перешел к старшему сыну. Титул достался Рэнди от престарелого двоюродного дедушки. Так, по крайней мере, рассказала ей няня. Но Ратледж владел им всего два месяца и преставился – наверняка от чрезмерно бурных празднований! Хелен не могла припомнить, чтобы в семье ожидали титул, но готова была поспорить на последнее су, что ее матушка прекрасно об этом знала.

Хотя прошло столько времени, Глостершир, да и сам Халкот казались ей почти не изменившимися. Хелен была поражена тем, как спокойно и хорошо она чувствовала себя здесь. А почему она должна испытывать страх? Последний раз она приезжала сюда в семнадцатилетнем возрасте, Кэм тоже был молод, они тогда очень дружили. Возможно, он даже обрадуется ее приезду.

Едва эта успокоительная мысль посетила ее, двери в кабинет распахнулись, словно под напором какой-то невиданной силы, расплющив о стену все робкие надежды Хелен. Рыжая кошка соскочила с кресла, хриплым мяуканьем приветствуя вторжение.

И вот он появился. Совсем взрослый. Какой прекрасный образец мужского рода! Мальчиком он был строен и грациозен, возмужав, стал огромным и неотразимым. Ее внезапный страх не мог затмить физическое ощущение присутствия Кэмдена Ратледжа, явно пребывавшего в отвратительном настроении. Ну, что ж, *c'est la vie*! Она сдержанно улыбнулась ему.

Кэм остановился на мгновение, испепеляя Хелен яростным взглядом. Его широкие плечи заполнили дверной проем, длинные ноги в сапогах широко расставлены, спина напряжена. Лорд Трейхерн явно торопился сойти вниз, поскольку даже не набросил сюртук, оставшись в рубашке с закатанными рукавами и простом жилете. Сейчас он походил на молодого разгневанного сквайра, который только что обнаружил бродягу, посягнувшего на его фазанов.

Тем не менее эффект от его угрожающего вторжения был несколько смазан, когда рыжая кошка начала громко мурлыкать и тереться о его сапоги.

– Добро пожаловать в Халкот, мисс де Северз, – произнес он, игнорируя кошку. – Или мисс Мидлтон? Вы столь похожи, что невозможно вас различить.

– Вы всегда славились остроумием, милорд. – Хелен непринужденно рассмеялась, приседая в реверансе. – Вы простите меня за эту путаницу? Ибо, по правде говоря, меня всегда звали Хелен де Северз.

– Неужели? – ответил он, входя в комнату. – Я никогда не слышал, чтобы вас так называли.

– Первый супруг маман, помните, милорд? Тот загадочный француз, который лишился головы во время сентябрьской резни? Мне дали понять, что он мой отец, но, возможно, маман просто сочла, что этот обман сделает ее моложе в глазах окружающих. Слишком много мужей, знаете ли... не очень хороший тон.

– А ваша мать... – Кэм поднял руку с ничтожным признаком учтивости, потом махнул ею, показывая, что Хелен может сесть. – Госпожа Мидлтон, надеюсь, здо...

– Умерла, милорд, – перебила его Хелен, с наслаждением опускаясь на предложенный стул. – Она умерла в Париже после войны. Холера. С тех пор я редко приезжала в Англию. Только когда нужна своей няне.

Кэм устроился за широким письменным столом красного дерева и положил руки на гладкую поверхность, словно это могло сдержать чувства, клокочущие в нем.

– Я ничего этого не знал. Сожалею о смерти госпожи Мидлтон. Уверен, вы глубоко переживаете эту потерю.

– Да, к моему удивлению, это так, – ответила Хелен. – Позвольте мне выразить соболезнования по поводу смерти вашего отца, милорд. Надеюсь, ваши брат и сестра здоровы?

В глазах Кэма блеснуло нечто вроде раздражения.

– Кэтрин вышла замуж слишком юной, а Бентли лодырничает в Оксфорде, – сказал он, кивнув. – Но думаю, они здоровы.

Хелен почтительно склонила голову, пытаясь собраться с мыслями. У нее было десять дней, чтобы подготовиться к этой встрече, но как трудно сохранить даже видимость профессионализма в присутствии этого человека. Этого мужчины.

Потому что Кэм не только повзрослел, его виски уже посеребрила седина, кожа сильнее обтягивала скулы. Он все так же красив, но стал гораздо более недоступным.

Вопреки здравому смыслу Хелен представляла его юным, застенчивым мальчиком, в ее мечтах, а иногда ночных фантазиях Кэм всегда оставался ее нежным, веселым кавалером. Но сейчас ей хватило одного быстрого взгляда на его резко очерченное лицо и нескольких минут разговора, чтобы увидеть: Кэм, любовь всей ее жизни, стал замкнутым и мрачным.

– Столько времени прошло, милорд, – тихо сказала она, поднимая глаза. – Я очень это ощущаю. – Она вдруг заметила, что он взглянул на нее по-иному, как-то мягче.

– Да, очень много времени, – пробормотал он.

Сердце у Хелен дрогнуло, когда он снова поднял руку и рассеянно запустил пальцы в густые черные волосы мальчишеским, знакомым ей жестом. Непокорный вихор, тогда досаждавший ему, отказывался повиноваться и теперь. Она улыбнулась, пытаясь отогнать горечь, которой всегда сопровождалась эти воспоминания.

– Я... Право же, Хелен, я не понимаю, как это произошло, – растерянно сказал он.

– Что именно, милорд?

– Твое возвращение сюда, в Халкот, после стольких лет.

– Все достаточно просто. Я в некотором роде гувернантка. А вам нужна учительница для ребенка, которая...

– Ты, Хелен? – воскликнул Кэм. – Гувернантка? Клянусь, я никогда и представить себе такого не мог.

– Неужели, лорд Трейхерн? – сухо поинтересовалась она, делая ударение на его титуле. – А что же, по-вашему, должно было со мной произойти?

Хелен заметила, как напряглась и задержалась жилка на его щеке.

– На этот счет я не имел ни малейшего представления.

«Конечно, имел», – ответила ему взглядом она и холодно произнесла:

– Будьте покойны, милорд, репутация моей матери практически не запятнала меня. В сфере моей профессиональной деятельности я пользуюсь уважением. И кстати, за свои деньги вы приобрели нечто большее, чем просто гувернантку. Думаю, мое образование и опыт говорят сами за себя, но если вы не хотите использовать их, они пригодятся кому-нибудь другому.

– Несомненно.

Ее вдруг разозлили неопределенные фразы и многозначительное молчание нового работодателя. С тех пор как она покинула Глостершир, Хелен научилась держать в узде свою пылкую натуру и воображение, но ее вспыльчивый нрав хуже поддавался контролю.

– Извините, лорд Трейхерн, но мне претит, когда мое прошлое анализируют с такой подозрительностью. Не могли бы мы поговорить о вашей дочери?

Кэму явно не понравился ее тон, потому что он резко встал и направился к окну, упираясь одной рукой в узкое бедро, а другой рассеянно массируя напрягшуюся шею. В слабых лучах утреннего солнца виднелись темные волоски на мускулах поднятой руки.

– Хелен, не думаю, что это разумно. Вернее, это никуда не годится. Ты понимаешь все не хуже меня.

– Какая глупость, Кэм! – воскликнула она, вставая и направляясь к нему. – Особенно когда твоей дочери нужна помощь. Что, по-твоему, здесь важнее? Твоя гордость? Мои чувства? Мне это нравится не больше, чем тебе, но есть ребенок, о котором нужно думать прежде всего.

– Уж я-то понимаю это, как никто другой, – рявкнул Кэм.

– Ребенку нужен учитель, и хороший, насколько я поняла, – смягчила тон Хелен. – Более того, я согласилась на твои условия и подписала контракт, не представляя, кто ты, а узнав, не нарушила данное слово. Я уеду, и с радостью, если ты освободишь меня от обязательств. Но если ты пожелаешь, чтобы я осталась, я хотела бы сейчас увидеть Ариану.

Кэм повернулся к ней, и его темные брови сошлись на переносице.

– Нет, Хелен, боюсь, об этом и речи быть не может.

– Почему? Из-за репутации моей матери?

– Нет, Хелен. После того, что произошло между нами... неужели ты думаешь...

– Господи, да о чем я думаю? Уверяю вас, милорд, я думаю только о благе вашей дочери. Мы с вами были друзьями. Вернее, одинокими детьми, оказавшимися вместе по воле эгоистичных родителей. Кэм, ты был дорог мне, я – тебе. Разве это плохо?

Ее рука, как бы по собственной воле, потянулась к его плечу. И словно по ее приказу, Кэм опустил на подоконник и прижал ладонь ко лбу.

– Наша дружба была замечательной, – наконец ответил он. – И как раз в то время, когда мне нужен был друг, очень нужен.

У Хелен от его признания задрожали колени, и она внезапно поняла, как близко стоит к нему. Слегка отступив назад, она убрала руку с его плеча.

– Вам и сейчас, полагаю, нужен друг, милорд. Ведь смерть родителей – это не пустяк, невзирая на все их недостатки. А ваша дочь, вы же сильно беспокоитесь о ней?

– Я изменился, Хелен.

Она нервно рассмеялась:

– Мы все уже не те, что раньше. Мы с вами уже взрослые люди, можем поступать как хотим, о чем мы всегда мечтали. А я вообще чувствую себя очень старой.

– Ты не выглядишь старой, – проворчал он. – Ты совсем не изменилась. Я бы узнал тебя где угодно.

Хелен не ответила, и Кэм, встав, дернул шнурок звонка.

– Я должен все обдумать. Милфорд проводит тебя в твою комнату. Прошу, чувствуй себя... – Голос его на мгновение дрогнул. – Чувствуй себя как дома. Поговорим обо всем завтра.

Кошка тоже поднялась, томно потянулась, пересекла комнату и прыгнула на свернутую газету, оставленную на столе. Пока дворецкий провожал гостью, Кэм следил за каждым ее движением.

– Проклятие, Боадия! – сказал он рыжей кошке, едва закрылась дверь. – О чем я думал, черт возьми? Почему я просто не отослал ее?

Боадия уставилась на него, потом заморгала, вытянула лапу и стала вылизывать ее. Наверное, это был самый мудрый ответ, учитывая его совершенно глупое поведение. В душе он признавал, что Хелен, возможно, прекрасная учительница. Тем не менее он не был уверен, что сможет вынести ее пребывание под одной крышей с ним. Она побуждала любого мужчину

жить так, словно его жизнь была создана для смеха и радости, хотя это лишь великолепная, но обманчивая иллюзия.

Кэм резко отодвинул стул от стола, к большому неудовольствию кошки, и, не обращая внимания на ее возмущенный взгляд, приказал себе собраться с мыслями. Он уже не зеленый юнец. А она какая-то гувернантка, черт побери! Но в одном Хелен права. Его главной заботой должно стать благополучие Арианы, и, если Хелен настолько талантлива, как утверждают ее рекомендации, можно ли отослать ее, если он действительно заботится о ребенке? Проблемы, которые еще четверть часа назад казались только многочисленными, теперь представлялись ему непрерывно увеличивающимися. И так до бесконечности.

– Еще нужно разобраться с Бентли и кухней Джоан, – пробормотал он кошке. – Бентли наверняка скоро попадет в переделку. А тетя Белмонт! Да хранит меня Господь от нее! Я просто в замешательстве.

Кошка с тихим урчанием вытянулась на столе, но другого ответа предложить не могла. Как, собственно, и сам Кэм. Его младший брат – извечная проблема. Хотя мальчик вернулся в Оксфорд после похорон отца, тревожные слухи о его успехах, вернее, о полном отсутствии таковых, уже достигли Честона. Даже очень большие деньги Кэма на этот раз вряд ли его выручат.

Кухне Джоан скоро исполнится восемнадцать, и Кэм чувствовал, что тете Белмонт не терпится объявить об их помолвке и тем самым избавить себя от необходимости оплачивать сезон в Лондоне. Он постоянно твердил себе, что рад, что упорство тетушки поможет ему продвинуться в будущее, поскольку он слишком долго задержался в прошлом.

Но он ничего не предпринимал. Хотя пора бы уже покончить с ожиданием. И чего он, черт возьми, ждет? Чтобы кто-то заполнил пустоту в его сердце? Возможно, Джоан с этим справится, а он все равно не находил в душе энтузиазма.

Тем не менее он выполнит свой долг. Породниться с Белмонтами – самое большое желание его покойной матери, потому что у ее отца не было сыновей, и он поделил свои земли между двумя дочерьми со слабой надеждой на то, что их можно будет когда-нибудь воссоединить через брак между кузенами.

Но шли годы, а эти мечты, как и многие другие, были развеяны, словно пепел по ветру, усилиями Рэнди Ратледжа.

Теперь все переменялось. Кэм стал богатым вдовцом, а Джоан уже достигла совершеннолетия. Существовала договоренность, и никто бы не мог сказать, что его кухня недостойна этого брака. Она сдержанная, утонченная, изящная девушка, ей никогда не придет в голову оспаривать слова мужчины, совать нос в его дела. Или заставлять его до рассвета метаться в постели. Джоан никогда не станет носить лиловый цвет и не воткнет в шляпку вызывающее перо.

Она прислушивалась, замерев в темноте. Красивая дама с мелодичным голосом ушла, но папа еще разговаривал с кошкой. Папа был озадачен. О-за-да-чен. Ей понравилось это слово, она проговорила его губами, стараясь не издать ни звука.

У нее затекла нога, прижатая к двери кладовки Милфорда. Она с предельной осторожностью пошевелилась под полками и растерла ногу, ожидая, пока утихнет боль. Ей очень хотелось выскользнуть из своего укрытия. Не терпелось последовать за той дамой. Но Милфорд снова по гостинной, папа находился в кабинете, и она была между двух огней.

Ей известно, зачем приехала эта дама. Она появилась, чтобы заставить ее говорить. Они будут сидеть в классной комнате, дама будет показывать ей картинки на бумаге, произносить слова и писать мелом буквы, как маленькие белые березовые веточки, на черной доске.

Она нетерпеливо заерзала. Почему Милфорд не уходит? Ей нужно последовать за дамой, рассмотреть ее вблизи. Мисс Эггерз была непоседливой и полной, как мама, с волосами...

солнечного света. Новая дама похожа на Милфорда. Похожа, но совсем другая. Высокая и гибкая, да. Но красивая, а не уродина. Папа называл даму не «мисс как там ее», а... Хелен.

Хе-лен. Хе-лен. Она мысленно произнесла это имя как папа, с небольшим придыханием в конце.

Ну и ну! Значит, папа о-бес-ку-ра-жен из-за Хе-лен. Интересно, это плохо или хорошо? Она пока не знает, но узнает непременно. И Ариана подавила смешок.

В мертвой тишине, наступившей после ухода Хелен, он услышал, как скребется в кладовке мышь. Последнее время их что-то много развелось в доме. Кэм сердито посмотрел на Боадицею, лениво дремавшую на его утренней газете, потом вскочил и заметался по комнате, изливая свое раздражение. Наконец он схватил кочергу и стал яростно ворошить угли, пока они не вспыхнули ярким пламенем. Сверкающие темно-синие глаза Хелен всегда будто согревали комнату, а ее уход, казалось, лишил кабинет остатков тепла.

Его размышления прервал громкий стук. Прежде чем он успел повернуться, дверь распахнулась и к нему влетел смерч в лице distinguished Рэндольфа Бентама Ратледжа.

Глава 2

Нескончаемая весна мотовства

Он тут же упал в кресло, где несколько минут назад сидела Хелен. Вымученная улыбка говорила о настроении юноши.

– Можешь делать со мной что угодно! – заявил Бентли, вытянув и небрежно скрестив длинные ноги. – Меня вышибли и обратно брать не желают.

Он говорил с таким безразличием, что его слова невозможно было принять за раскаяние. Граф с удивлением взирал на семнадцатилетнего брата. Утро явно не задалось, поэтому Кэм не сразу осознал произошедшее, а когда наконец до него дошло, тут уж он дал волю гневу.

– Бентли, – зловеще начал он, – осенний триместр начался всего несколько дней назад. Молю Бога, чтобы у тебя нашлись веские причины для присутствия в моем кабинете.

– Их нет, – ответил Бентли.

Сквозь пелену нарастающей ярости Кэм видел, что красиво очерченный рот брата, в точности как у его покойного отца, напрягся в вызывающем упрямстве.

– Просто «нет»? – Голос Кэма понизился до холодного шепота.

– Да, милорд, – ответил Бентли, слегка вжимаясь в кресло. – У меня нет объяснений. Вернее, нет такого, которое вы захотели бы выслушать.

– Какая удивительная проницательность. – Графу нестерпимо захотелось придушить мальчишку, но вместо этого он сел, взял карандаш и начал выстукивать на ладони бешеный ритм. Боль, как ни странно, немного успокоила его гнев, и, откинувшись на спинку кресла он разглядывал побледневшее, но все равно упрямое лицо брата.

– Проклятие, Бентли, – наконец проворчал он. – Карты или кости?

– Ни то, ни другое.

– Пьянство? Распутство? – Бентли двусмысленно пожал плечами. – Хватит юлить, мой мальчик. Насколько все плохо? И во что мне это обойдется? Вернее, стану ли я платить?

– Жаль, что я доставляю тебе неприятности, святой Кэмден, но я не «твой мальчик», и у меня нет недостатка в средствах. – Бентли сумел-таки выдавить ухмылку, потом вытащил из кармана письмо и небрежно швырнул листок брату. – Возьми, если у тебя нет лучшего чтения. Полагаю, ты узнаешь, что вице-председатель сожалеет об отсутствии у меня интереса к знаниям и считает, что мне следует найти применение в области, не требующей напряжения интеллекта. Таково, сдается мне, содержание письма. Официальной выволочки я не получил, ибо в тот момент отлучился. Пришлось отправиться в Лондон, чтобы немного развеяться игрой в «Кофейном дереве». – Бентли вздернул подбородок. – И я, кстати, выиграл.

При этих словах Кэм настолько разозлился, что смел на пол и письмо, и большую часть лежавших на столе вещей.

– Разрази тебя гром, Бентли! – рявкнул он, и Боадицея тут же бросилась наутек. – Клянись, ты не лучше отца. Вы на пару способны в мгновение ока оставить джентльмена без пенни.

– Каждый делает для семьи что может, – язвительно заметил Бентли и насмешливым шепотом добавил: – Господи, как же мне нравится выводить тебя из этого пресловутого самообладания, Кэм. Напоминает мне добрые старые дни, когда еще была жива Кассандра. Рад, что за всем льдом у тебя еще сохранился темперамент.

Граф вскочил с кресла.

– Моя покойная жена тебя не касается. Бентли, ты не понимаешь, что тебе нельзя позорить наше имя? Ты думаешь, мы сидим на мешках с деньгами? Ты полагаешь, наша репутация настолько безупречна, что вынесет и твои выходки?

– Наше имя? – презрительно хмыкнул Бентли. – Наша репутация? Неужели?.. Отец не особо заботился об этом, так почему я должен? Полагаю, одного святоши для семьи вполне достаточно. А что до денег, то, если нам вдруг станет их не доставать, в чем я сомневаюсь, может, ты снизойдешь и опять женишься на дочери торговца? Но Джоан не годится для этой цели, так ведь?

Кулак графа с силой опустил на столешницу, отчего задребезжала ручка ящика, а Бентли вздрогнул и, кажется, впервые испугался.

– Не смей впутывать в эту историю мою будущую невесту. Ты слышишь меня? Я не позволю тебе оскорблять доброе имя нашей кузины.

Юноша мгновенно вскочил с кресла и подошел к окну, сжав кулаки.

– Черт бы тебя побрал, Кэм, – прошептал он, глядя в сад. – Ты знаешь, что я никогда не обижу Джоан. Я презираю тебя. Я устал кланяться и распаркиваться перед спасителем нашей репутации, нашего состояния и нашего чертового лицемерия. А ты все продолжаешь командовать и диктовать свою волю. Отец никогда меня не отчитывал. Это делал ты.

Кэм открыл рот, потом снова закрыл его. Он хотел бы сказать: «Да, потому что отцу не было до тебя дела». Но сейчас даже ему стало ясно, что их ссора не имеет никакого отношения ни к скандалу, ни к учебе, ни к похоронам. Кэм никак не мог понять, в чем дело, хотя сложилось впечатление, что обида глубоко засела в душе Бентли, и его младший брат, этот, по сути, еще щенок, готов ринуться в бой. Но он, черт возьми, не даст ему повода.

Кэм медленно выдохнул, заставив себя успокоиться.

– Очень хорошо, Бентли, – ровным голосом сказал он. – Как я полагаю, ты намерен устраивать свое будущее, не опираясь на образование. Более того, не хочешь жить под моим опекуномством. Я правильно тебя понял?

Брат упорно не желал смотреть ему в лицо, но подозрительно косился на него.

– Я... нет. Я... то есть... я пока еще не решил, – пробормотал он.

– Тогда разреши помочь тебе, – с обманчивой мягкостью ответил Кэм. – Юриспруденция... или церковь? Нет, видимо, не подходит. Раз ты не способен учиться в Оксфорде, такие методы зарабатывания на хлеб не годятся, не правда ли? Возможно, ты хотел бы стать военным? Или же тебя привлекает морской флот?

– О нет! – сказал Бентли, резко поворачиваясь. – Я не покину Англию, и ты меня не заставишь!

– Сущая правда! – задумчиво сказал Кэм. У него появилось кое-какое представление о том, с чем связана последняя вспышка, точнее, целый ряд таких вспышек. Но с этим уж ничего не поделать. – Тогда я отошлю тебя в наше имение в Девоншире. Перед наступлением зимы старому Гастингсу не помешает помощь. Можешь поехать вместо меня, узнать кое-что об управлении имением.

– Не планируй мое будущее, Кэм! Ты понятия не имеешь, что для меня лучше.

– Вероятно, – мягко согласился граф. – Но если ты намерен транжирить свою жизнь – ради бога, только не здесь. – Кэм задумчиво помолчал, барабанив пальцами по столу. – Очень хорошо, Бентли, даю тебе возможность самому решить, как планировать свое будущее. У тебя есть время до Нового года, а потом выбирай. Или ты, без моей помощи, естественно, поступаешь в Кембридж, или отправляешься в замок Трейхерн к старому Гастингсу. Есть третий вариант. Если первые два тебя не устроят, ты должен искать счастья по своему усмотрению.

Карие глаза Бентли расширились от ужаса.

– Ты не можешь... нет, ты не можешь отослать меня из Халкота!

– Могу и сделаю это! – сухо возразил Кэм. – Пора уже проснуться, мой дорогой. Тебе скоро восемнадцать. Если жизнь под моей крышей лишает тебя благоприятных возможностей, тогда уезжай, ищи счастье где сможешь.

Долю секунды Бентли выглядел раскаявшимся, но потом на его лице вновь появилась наглая ухмылка.

– Ну что ж, хорошо, – сказал он. – Раз у меня есть время до Нового года, я проведу его за каким-нибудь приятным занятием. Например, соблазняя твою новую гувернантку. Женщины в возрасте так опытные, а бюст старой мисс Эггерз не идет ни в какое сравнение с ее...

Закончить Бентли не смог, поскольку брат схватил его за галстук, безжалостно вдавив в полки. Книжный дождь обрушился на них, когда граф яростно поднял юношу, так что его ноги беспомощно повисли над персидским ковром.

Лицо Бентли покраснело, он, задыхаясь, пытался разжать кулаки брата.

Кэм грубо ударил его головой о книжную полку.

– Значит, ты хочешь увидеть, как я потеряю мое чертово самообладание? – прошипел он, затягивая галстук. – Посмей дотронуться хотя бы до ее перчатки, и, клянусь Богом, ты это увидишь! Я собственной шпагой лишу тебя мужского достоинства.

Внезапно Кэм выпустил его, и Бентли рухнул на груды книг.

– И поставь обратно мое собрание поэзии, – добавил он, направляясь к двери. – Я больше не намерен за тобой убирать.

Кэм услышал, как спрыгнула на пол Боадичея. Она бросилась вперед, чтобы выйти из комнаты первой, высокомерно помахивая рыжим хвостом, словно герольд наступающей армии.

Граф шагал к конюшне, все еще дрожа от гнева. Конечно, он понимал, что мог причинить боль своему брату. Много лет ему, как бедному фермеру, пришлось трудиться бок о бок с арендаторами, чтобы не допустить окончательного разорения поместья. Эта работа дала ему сильные руки и мощную спину, но самодисциплина всегда сдерживала его.

Господи, что с ним творится? Сначала Хелен Мидлтон, теперь это! При одном упоминании этой женщины он едва не задушил семнадцатилетнего мальчика! Честно говоря, он любил брата, желал ему только добра. Как Ариане и Кэтрин.

Да, имя его семьи пока еще запятнано, хотя последние несколько лет Кэм вынуждал старого дьявола ограничить свои проделки сельской местностью. Но теперь, когда их отец наконец обрел вечный покой, Бентли не подвержен дурному влиянию и может преуспеть в жизни. Он ведь наследник Кэма. Неужели это злит его брата? Неужели мысль о повторной женитьбе Кэма напоминает ему о том, как легко можно им пренебречь?

Когда граф подошел к конюшне, он уже немного успокоился. Миновав стойла, он взял в чулане свое седло и повесил на плечо.

– Вам понадобится лошадь, милорд? – услышал он голос конюха. Тот выглянул из стойла, и пылинки заплясали вокруг его головы, образуя на солнце подобие нимба.

– А, Шривз! Будь любезен, приведи нового жеребца, – сказал Кэм, поправляя седло на плече. – Хочу несколько размяться.

Лицо конюха расплылось в ухмылке.

– Конечно, милорд, если желаете размяться, то получите сполна. Этот дьявол сегодня не в духе.

– Тогда из нас выйдет хорошая парочка, – мрачно улыбнулся граф.

– Ах, даже так! – Широкая ухмылка конюха открыла пустоту на месте переднего зуба. – Вроде утром разгружали вещи этого безрассудного парня, сразу после новой гувернантки.

Кэм про себя улыбнулся прозвищу, которое слуги дали его брату.

– Да, Шривз, именно так. А теперь приведи мне жеребца, чтобы я мог погибнуть красиво.

Он вынес седло из конюшни и десять минут спустя был уже близок к тому, чтобы сломать себе шею. Жеребец оказался не просто раздраженным, а по-настоящему злобным, и граф потратил более получаса, стараясь привести в нормальное состояние и лошадь, и себя. Наконец

животное успокоилось, смирившись с перспективой долгой прогулки, и Кэм стал обдумывать, что ему делать с Хелен. Это всегда было сложной задачей!

Впервые он увидел ее совсем девочкой с широко распахнутыми глазами, но уже в те годы Хелен обещала превратиться в красивую темноволосую кокетку, имея перед глазами соответствующий пример. Ее мать – красавица Мэри Мидлтон, французская эмигрантка неопределенного происхождения и очаровательная вдова, – прибыв в Лондон, мгновенно покорила его. Вскоре она похоронила двух респектабельных английских мужей, а уж число ее любовников известно одному Богу.

Мать Кэма умерла через несколько месяцев после рождения Бентли, когда Кэм был подростком, а Кэтрин совсем ребенком. Рэндольф Ратледж недолго пребывал в трауре и с радостью пустился во все тяжкие. По правде говоря, фарс, который он разыгрывал, изображая убитого горем мужа, вовсе не шел ему, ибо он никогда не любил жену.

Миссис Мидлтон вращалась в несколько странных кругах, едва признаваемых светским обществом. Теперь Кэм понимал, что для такой женщины было вполне естественно подружиться с его отцом. Всю осень Халкот буквально гудел от шумных вечеринок, пикников, выездов на охоту, и все это время Кэм зачарованно наблюдал за порывистой, энергичной Хелен, поскольку она являлась воплощением того, чего так недоставало ему самому.

Мэри Мидлтон стала возлюбленной его отца, а они с Хелен стали друзьями и партнерами в разных шалостях, потому что она, как никто другой, умела найти приключение во всем. Будучи по природе серьезным даже еще ребенком, Кэм пришел в ужас, когда под беспутным влиянием Хелен у него появилась склонность к озорным проделкам.

Время шло, их дружба крепла, и постепенно возникла привязанность более опасного свойства. Потом Хелен буквально околдовала и измучила бедного Кэма до такой степени, что он находился в беспрестанном возбуждении. Он был совершенно унижен, совершенно очарован и совершенно утонул в ее бездонных темно-синих глазах.

В конце концов желание настолько свело его с ума, что, потеряв над собой контроль, он скомпрометировал ее, даже по самым либеральным английским меркам. Если бы Мэри Мидлтон имела хоть какой-то вес в свете, Кэм не избежал бы ловушки брака, и даже юные годы не спасли бы его.

Но какой тогда стала бы его жизнь?

Будь он честным, Кэм признал бы, что думал об этом все годы. И ответ всегда был одинаков: его жизнь стала бы чертовски трудной. Ведь тогда не появилось бы состояние жены, чтобы спасти Халкот от чрезмерных appetитов его батюшки. Не появились бы деньги ни на приданое сестры, ни на обучение Бентли. По крайней мере в этом отношении брак Кэма можно было счесть удачным. Но эта мысль уже не согревала его, когда он вспоминал прошедшие десять лет своей жизни и чувствовал, как его снедает бесконечный голод.

А теперь... Хелен вернулась. И на его взгляд, хотя ей вскоре будет уже двадцать восемь, она совсем не изменилась. Если он позволит ей остаться, то могут последовать нежелательные осложнения. И его спор с Бентли – тому пример.

Но черт побери, она сама напросилась на подобные высказывания! Эта обольстительная улыбка! Эта кокетливая шляпка! Этот смелый, оценивающий взгляд! Тем не менее Кэм вынужден был признать, что в данном споре Хелен не виновата. Как смел этот мальчишка даже мечтать о том, чтобы уложить Хелен в свою постель? Или другую служанку? Черт бы его побрал, так в приличных домах не поступают.

Увы, поступали, он был достаточно умен, чтобы это знать. Но только не в его доме!

Бентли и так уже слишком похож на их отца. В семнадцать лет мальчик был красавцем обольстителем, выглядевшим гораздо старше своих лет и успевшим посетить самые злые места Лондона. Граф совершенно точно знал, что мальчишка при удобном случае не пропускал

ни шлюх Нью-Маркета, ни деревенских служанок. Кэму оставалось лишь надеяться, что брат не осуществит свою угрозу поразвлечься с Хелен.

Тем не менее он подумал о возможной реакции Хелен. Польстило бы ей внимание более молодого человека? Бентли весьма красив, а через несколько лет у него будет вполне приличное состояние.

Кэм вспомнил себя в восемнадцать лет. Он хотел уложить в постель Хелен и был уверен, что ничто его не остановит. Ее мать едва успела помешать ему. Потом он старался убедить себя, что это не его вина, что Хелен сама такое искушение, которому не смог бы противиться ни один молодой человек.

Но по правде говоря, она была виновата не больше его, и Кэма влекло не просто ее тело. Он злился на родителей за то, что они разлучили их, злился на себя за то, что скомпрометировал Хелен. И довольно часто, причем совершенно необоснованно, злился на Хелен за то, что она заставляет его желать ее.

Конь размеренно шел по знакомой тропе, его сильные мускулы плавно перекачивались при движении, но Кэм давно забыл, где находится.

Ариана стояла на цыпочках, пока у нее не заболели ноги, следя за новой дамой в шелку приоткрытой двери гардеробной. Ей почти ничего не видно! Какая досада! Если бы не Милфорд, она бы сейчас была уже под кроватью этой дамы.

Дама ходила по комнате, наморщив лоб, как папа, и сложив руки на... впереди. Но Бентли называл это как-то иначе... Ах да, грудь. Она едва не хихикнула. Дядя Бентли такой занятный.

«Чтоб мне не жить, – услышала она как-то слова дедушки, адресованные Бентли, – если это не замечательная пара титек».

«Да уж, под такой грудью можно задохнуться!» – ответил Бентли.

Они хохотали и хохотали. Но речь шла о мисс Эггерз, а не об этой красивой даме. Теперь мисс Эггерз... больше нет.

Дедушки тоже нет. Судя по тому, что Милфорд говорил внизу, дедушка, наверное, задохнулся под титьками, или грудью, мисс Эггерз, хотя Ариана не понимала, как такое может случиться. Но что бы там ни произошло, дедушки больше нет. И мамы. Они ушли навсегда, а не как мисс Эггерз. Все считают, что она не понимает разницы, но она уже не ребенок и многое понимает.

Дама вдруг подошла ближе, встала у окна и пальцем отодвинула портьеры. Немного постояв, она подошла к туалетному столику, начала поднимать один за другим флаконы и баночки. Опять вернулась к окну, поглядела в него, покусывая ноготь большого пальца, словно высматривала кого-то вдалеке.

Может, дама просто неугомонная. Ариана знала это слово. Папа часто произносил его раньше. «Твоя мама просто неугомонная», – говаривал он. Потом сажал ее к себе на колени, потому что мама обычно проявляла неугомонность, расхаживая по комнате. Она подолгу смотрела в окно с мрачным выражением лица. И вскоре исчезла навсегда.

Внезапно дама ахнула и опустила портьеру. Так! Все ясно. Ариана знала этот взгляд. Понимала, что значит этот тихий возглас. Там, снаружи, кто-то есть. Возможно, и он наблюдает за дамой. Ариана поежилась. Она не станет думать о нем. Вообще. Она не позволит себе. Она будет думать о новой даме.

Не собирается ли новая дама исчезнуть? Судя по ее виду, именно это она и хотела сделать. Очень хорошо. Если новая дама – Хелен – останется, тогда она захочет, чтобы Ариана заговорила. Говорить, говорить, говорить. Вот чего они все время хотят. Они хотят задавать ей вопросы.

Но она ничего им не скажет.

Мама велела ей: «Никогда не рассказывай». И еще она говорила «Ш-ш! Ш-ш! Это будет наш маленький секрет, Ариана. Не отвечай на их вопросы». О, теперь от всего у нее голова болела. И самое плохое, она уже не помнит, чего такого не должна рассказывать. Она больше не могла вспомнить секрет, хотя очень старалась.

Вдруг что-то мягкое и теплое коснулось ее ноги. Боадицея! О нет! Но папина кошка такая проворная. Ариана толкнула дверь и бросилась через спальню дамы. Черт побери и будь все проклято! Так сказал бы дядя Бентли. Но сейчас ей некогда думать о глупом Бентли. Она стремительно побежала по коридору к классной комнате.

– Le chat botte! – услышала она красивый, переливчатый голос дамы. – Откуда ты здесь взялась?

Хелен беспокойно ходила по комнате, поглядывая на свой нераспакованный сундук и гадая, как ей поступить дальше. Почему Кэмден Ратледж посмел ее оскорблять! За пять минут после начала их разговора он высказал далеко не лестное мнение о ее характере. И что же? Вместо того чтобы вlepить пощечину и уехать из этого дома, она предложила ему дружбу.

Нет, она не совсем права. Кэм всегда был порядочным человеком, а по опыту Хелен знала, что люди обычно не слишком меняются. И вообще, как могло большинство людей расценивать ее перспективы на будущее? Ведь она выросла не в самом уважаемом окружении.

Хелен прекрасно знала, что, несмотря на то что Кэм старше ее, в годы юности она мучила его – даже манипулировала им – до такой степени, что это было просто невыносимо. Она подбивала серьезного друга на проказы, стоившие ему мучительных терзаний. На майский праздник они раскрасили всю деревню в ярко-голубой цвет, заменили все молитвенники в Вербное воскресенье методистскими псалмами и сожгли целый стог мистера Клапхема в день Гая Фокса, – непреднамеренно, разумеется. И это лишь краткий перечень.

Когда они повзрослели, их дела стали намного серьезнее детских проказ. Да, намного серьезнее. Поэтому неудивительно, что Кэм считает ее недостойной учить его дочь. С самого начала их дружбы никто из них, выражаясь фигурально, не был невинным. На Хелен своим бесшабашным отношением к жизни нежелательное влияние оказывала ее мать, которая считала, что жизнь слишком коротка и ею нужно пользоваться ради собственного удовольствия. Таковы были уроки, преподанные ей гильотиной. Долгое время Хелен не знала других ценностей.

Она расправила плечи и отогнала воспоминания. Сейчас наиболее безопасным чувством ей казалось возмущение. А Хелен страшно возмущало, что ее заставляют сидеть в одиночестве, не разрешая познакомиться с будущей ученицей. Наверное, в десятый раз за четверть часа она подошла к окну и раздвинула шторы. Уже отворачиваясь, Хелен краем глаза заметила какое-то движение и пригляделась внимательнее.

Кто-то, мужчина, быстро шел по дороге, которая тянулась от деревни вдоль задней стены Халкота, обрамлявшей сад. Вдруг он резко остановился и устремил куда-то пристальный взгляд. Она поняла, что незнакомец смотрит на заднюю стену дома, явно оглядывая ряды окон. Хелен даже ахнула, когда он поймал ее взгляд. Или ей так показалось.

Ее охватила неприятная дрожь. Нет, ей почудилось, она устала, вот в голову и лезут разные мысли. Незнакомец слишком далеко от нее, к тому же по этой дороге ходит много людей. Она даже не могла различить его лицо, заметила только его рост, длинное, распахнутое пальто и черную шляпу. Моргнув, Хелен снова поглядела в ту сторону. Мужчина продолжал свой путь, не проявляя интереса ни к Халкоту, ни к его обитателям. И все же неприятное ощущение не покидало ее. Вздвогнув, Хелен обхватила плечи руками. Боже милостивый, ее нервы просто на пределе!

Внезапно дверь гардеробной скрипнула, и к кровати бросилась рыжая кошка. Странно! Хелен была абсолютно уверена, что плотно закрыла дверь. Она нагнулась к кошке, протянула к ней руки, но та, не пожелав, чтобы ее гладили, неторопливо обошла сундук и дорожную сумку, обнюхала каждую ручку, каждый замок. Потом, будто выполнив то, за чем пришла, кошка повернулась и с явным удовлетворением покинула комнату.

Похоже, Хелен выдержала проверку, во всяком случае, у кошки хозяина. Что до самого повелителя и господина, это совсем иное дело. Устало вздохнув, она легла на широкую кровать и позволила себе понежиться на мягкой перине.

Ее взгляд неторопливо заскользил по убранству ее комнаты, просторной, удобно соединявшейся с гардеробной и классной комнатой, откуда можно пройти в спальню Арианы Ратледж. Как и все в Халкоте, комната Хелен была обставлена изысканно и в то же время удобно. Она находила этот контраст несколько странным, потому что снаружи Халкот выглядел красивым, даже идеальным сельским домом. Однако внутри, несмотря на всю его привлекательность и симметрию, ощущалась некая холодность и уныние, чего, как она помнила, тут раньше не было. Вряд ли это связано с кончиной старшего Рэндольфа. Может, Кэм горюет о потере жены? И он явно беспокоится о своем ребенке.

Хелен сбросила туфли, свернулась калачиком и уткнулась носом в подушку. Видимо, она, как и хозяйская кошка, ищет какой-то родной, успокаивающий запах, который мог бы придать ей уверенности. Хотя она многие годы жила практически одна, ей вдруг стало ясно, что она страшно одинока в этом громадном особняке. И чувство возвращения домой испарилось.

Да, возвращение в Халкот оказалось бурным, решила Хелен, рассеянно теребя нитку бус. Тут Кэм абсолютно прав. И ее нянюшка тоже права. Хелен вспомнила их спор, возникший сразу же после того, как она, совершенно потрясенная, вернулась от мистера Брайтсмита. А когда сплетни бывших слуг подтвердили опасения Хелен, старушка не находила себе места от тревоги. Ее возражения не стихали до самого дня отъезда Хелен.

– Ты уверена, моя дорогая, что это разумно? – в пятый уже раз спросила она в то утро.

Хелен почувствовала, что раздражение начинает брать верх над тревогой, которую она усиленно пыталась скрыть.

– Няня, прошу тебя! – взмолилась она. – Ну разве мы не говорили об этом много раз? Я хочу быть рядом с тобой! И я должна работать...

– Да, работу ты, конечно, получишь, только неясно, какого рода, – упорствовала старушка, грозя скрюченным пальцем. – А теперь слушай меня. Этот Кэмден Ратледж – сын своего отца, кровь еще заговорит в нем. Да к тому же он богат. Человек не может подняться так высоко оттуда, где он был, честным и достойным путем.

Хелен с раздражением дернула ремень дорожной сумки, оторвав его и чуть не испортив саму вещь.

– Я уже не ребенок, которого нужно нянчить, – заявила она, швырнув оторванный ремень в холодный камин. – И меня уже не так легко обмануть застенчивой улыбкой или парой горящих глаз. Я имела дело с гораздо более опытными мужчинами, чем новый лорд Трейхерн.

Однако, стоя утром в кабинете графа, Хелен начала сомневаться в истинности своих утверждений. Прошла целая вечность с тех пор, как она видела Кэма, за это время боль потери уменьшилась, затем притупилась, и наконец она стала все реже вспоминать о нем.

Конечно, не так уж редко. Но все это казалось ей простым девичьим увлечением, пока она ехала через Глостершир, а потом по дороге, ведущей в Халкот. С каждой милей Хелен обретала все большую уверенность, что ее чувство, которое она испытывала к новому лорду Трейхерну, было только нежностью к старому другу.

Даже когда он с потемневшим от ярости лицом вошел в кабинет, Хелен верила, что владеет ситуацией. Так, по крайней мере, было в прошлом. Ей потребовалось минут пять, чтобы осознать, что они поменялись местами, теперь уже никто не мог контролировать Кэмдена Рат-

леджа. Она убедилась и в том, что застенчивый юноша превратился в опасного свободного мужчину.

И на удивление красивого. К семнадцати годам он, казалось, уже вырос окончательно, на все шесть футов, но сейчас выглядел еще выше. Более того, он явно обладал той молчаливой, уверенной силой, которую застенчивые молодые люди часто обретают с возрастом. Когда он, упрямо опершись руками о стол, подался к ней, Хелен заметила мужскую силу в его широких плечах, мужской гнев – и, пожалуй, мужское вожделение на его лице.

Прерывисто вздохнув, Хелен зарылась лицом в подушку и крепко сжала мягкую шерсть покрывала.

Глава 3

Твои глаза обращены в самую мою душу

Кэм даже не заметил, как проскакал через все принадлежавшие ему земли и очутился на высоком холме рядом с имением тети Белмонт, примыкавшим к его владениям. Поняв это, он тут же повернул коня.

Внимательный племянник непременно бы заехал на чай, но после похорон Кэм избегал тетю и кузину, родственниц по материнской линии, ибо покрывался холодным потом, видя немой вопрос в глазах тетушки Белмонт.

Кэм смирился с фактом, что обязан жениться на девушке с безукоризненным происхождением и покладистым характером. Джоан удовлетворяла этим высоким требованиям, граф был также согласен, что идея объединения двух владений имела свои достоинства. И все-таки медлил.

Но сегодня Кэм не желал думать о настойчивых родственницах, его мысли, несмотря на бешеную скачку по полям и лесам, были заняты другой. Господи, до чего неосмотрительно вспоминать о юношеском прегрешении в такое время!

Но Хелен была единственным прегрешением за всю его жизнь. Всегда готовый поддразнить своего здравомыслящего сына, Рэндольф как-то пошутил, что Кэм настолько скупен, что единственным просчетом у него была трата времени с Хелен Мидлтон. Но для Кэма это вовсе не было тратой времени. Он, по своей глупости, собирался жениться на Хелен.

И это не казалось немислимым. Старший сын легкомысленного бездельника, никакого титула, лишь пришедшее в упадок поместье, которое не посещала даже тетя Белмонт, считая это ниже своего достоинства. Жизнь Кэма была значительно проще до того, как ему навязали роль спасителя семьи.

Вздыхнув, граф осадил коня и спешил под деревом. Ему было восемнадцать, когда мать Хелен увезла ее, и в его душе образовалась какая-то черная, зияющая пустота, временами он даже пугался, потому что это казалось ему сумасшествием. Кэм долго не мог прийти в себя, с трудом переносил вспышки горя и ярости, именно тогда ему стало ясно, насколько он похож на своего отца: он тоже подчинял все только своим желаниям, яростно стремился обладать тем, что ему не принадлежит. Но в конце концов он уяснил, как важно умение держать себя в руках. Ему стала понятна справедливость часто повторяемых его матерью предупреждений о том, что он, как то пресловутое яблоко, никогда не упадет далеко от яблони, если не сумеет управлять такими своенравными желаниями.

А теперь прежние чувства опять всколыхнулись в его душе, знакомые, как привкус крови во рту. Вероятно, наилучшим выходом из этой ситуации является Джоан. Молодая, покорная жена успокоит в постели его ненасытную жажду и подарит ему наследника. Но ведь он уже пытался это сделать, а потом обнаружил, что приковал себя брачными цепями к аморальной ведьме. Но Джоан совершенно не похожа на Кассандру. Она будет верной женой и любящей матерью.

Правда, если отвлечься от понятий «долг» и «наследник», можно с уверенностью сказать, что Джоан никогда не согреет его постель так, как это сделала бы женщина, подобная Хелен. Граф, сам того не желая, гадал, сколько мужчин поддались искушению. Женщина с такими сильными чувствами не могла оставаться долгое время одна. Или могла? Он хорошо помнил, как ее руки когда-то постоянно тянулись к нему. Одним поворотом головы, одним движением кисти, даже тем, как она двигалась по комнате, Хелен источала больше женственности, нет, чувственности, чем большинство совершенно обнаженных женщин на сбившихся шелковых простынях.

Кэм заставил себя прыгнуть в седло. Его отлучка из дома слишком затянулась, а работы очень много. Он будет рад, когда закончится этот кошмарный день и он сможет удалиться в тишину спальни с хорошей книгой и бокалом коньяка.

Хелен всегда поднималась рано, часто до рассвета, а прошлой ночью она к тому же плохо спала. Встреча с Кэмом взволновала ее гораздо больше, чем она ожидала. Нет, лучше встать, быстро позавтракать и столь же быстро упаковать вещи.

Пора вернуться в Хэмпстед и снова начать поиск работы. Серdito воткнув последнюю шпильку в незатейливый шиньон, Хелен посмотрела на свое отражение в зеркале.

Взгляд был достаточно честным. Но Кэм, разумеется, полагает, что она вернулась в Халкот с корыстными намерениями, и, откровенно говоря, его мнение нельзя считать полностью неверным. Она имела около двух недель, чтобы уведомить Кэма и спросить, как ей поступить. Она этого не сделала, осмелилась приехать, зная, что прошлое вызовет у него болезненные воспоминания и неловкость.

Кэм стал богатым аристократом, вдовцом с ребенком, обладателем по крайней мере двух великолепных имений, а благодаря женитьбе получил также немалое состояние в виде ценных бумаг. Эти деньги он, по слухам, приумножил, превратив в огромное богатство. Титул явился завершающим штрихом его успешной карьеры. В обществе, как сказала ей няня, графа Трейхерна считали вспыльчивым, безжалостным, замкнутым и абсолютно консервативным. Неужели она полагала, что такому человеку доставит радость вспомнить их старую дружбу?

Ей не следовало приезжать в Честон. Она, конечно, изнывала бы от скуки в городе, но со временем нашла бы другую работу. Хотя свой выбор она в душе оправдывала плохим здоровьем няни, но ведь есть Ирландия, Шотландия, даже Бретань, и любое из этих мест достаточно близко. Но ее это не устраивало, она предпочла вернуться в Халкот, хотела увидеть Кэма. Теперь должна смириться с ужасающей истиной.

Хелен сунула ноги в тапочки и направилась к двери. Скорее всего, нужно смириться и с еще одной, более жестокой истиной. Возможно, она гораздо больше похожа на свою мать, нежели предполагала. «Кровь скажется», – говаривала няня. Видимо, старые пословицы верны.

Несмотря на бессонную ночь, ровно в шесть утра Кэм спустился, чтобы, по своему обыкновению, выпить кофе с сэндвичем. Он заставлял себя проглотить еду, пытаясь не обращать внимания на то, что не чувствует вкуса, а глаза у него режет так, словно туда насыпали песок. Он задумчиво смотрел на лужайку перед парадным входом Халкота. Темный мир за окном был холоден и молчалив, словно застыл, с нетерпением ожидая животворный утренний свет.

Кэм тоже пребывал в нетерпеливом ожидании. Его обуревали противоречивые чувства: глубокая тревога и одновременно пылкое нетерпение, как у маленького ребенка на Рождество. Не склонный к беспорядочным эмоциям, граф был невероятно возмущен таким внутренним беспорядком. Сделав последний глоток, он взглянул на карманные часы.

Позавтракает Хелен в своей комнате или сойдет вниз? Он не подумал спросить ее заранее. Или об этом позаботилась миссис Нафлз? Кэм чувствовал растерянность, как бывало всегда, когда он думал о Хелен. Следовательно, его задача – не думать о ней, держаться от нее подальше и, что не менее важно, не подпускать к ней Бентли.

Решение было простым. Хелен необходимо отослать, что он со значительной долей сожаления и намеревался сделать этим утром. Кэм с гордостью считал себя целеустремленным, уверенным и бескомпромиссным в своих решениях. Он не дрогнет, хотя ведь и Хелен не станет возражать. Он настоит, чтобы она не возвращала задаток, и отправит ее в Хэмпстед в своей карете.

Приняв решение, граф позвонил в колокольчик, вызывая Милфорда, который проскользнул в комнату, словно длинный, тонкий призрак.

– Да, милорд?

Кэм протяжно вздохнул. Даже в обществе своего бесшумного дворецкого он сегодня чувствовал себя неловко.

– Милфорд, когда мисс де Северз позавтракает...

– Крайне сожалею, милорд, но мисс де Северз уже нет.

– Как нет? – Кэм вскочил со стула, и пустые тарелки перед ним угрожающе накренились. – Господи! Не может быть, чтобы она уехала так скоро!

Милфорд наставительно поднял палец:

– Ее уже нет в столовой. Мисс де Северз, должен сказать, чрезвычайно рано встает.

Кэм обнаружил ее в классной комнате, стоящей посреди такого разгрома, будто здесь недавно пронесся вихрь. Оказывается, лишь в немногих ее сундуках находилась одежда, поэтому большую часть ящиков и сундуков принесли именно в классную комнату. Некоторые уже были распакованы, судя по стопкам толстых, зачитанных томов и разбросанным по столу тетрадам. В открытой коробке на целой куче игрушек лежали деревянная флейта и небольшой барабан.

Хелен, похоже, распаковывает вещи, ей свойственно брать быка за рога. Сложив руки на груди, Кэм прислонился к дверному косяку и стал наблюдать за ней. Сначала она его не заметила, поскольку рылась в потертом дорожном чемодане, стоявшем на полу. Ее идеальная попка была маняще поднята, и тело Кэма немедленно откликнулось на этот призыв.

Возраст лишь подчеркнул классические линии ее фигуры и прекрасный овал лица. Сегодня Хелен надела платье цвета темного янтаря. Как вчерашнее лиловое платье не было совсем черным, так и сегодняшнее не было совсем коричневым. Очевидно, Хелен балансировала на грани приличий в выборе одежды. И без сомнения, в других вопросах тоже.

Впрочем, его это не касается. Хелен уже, мягко говоря, не юная девушка, а что до невинности, тут есть и доля его вины. Конечно, отец галантно объяснил разъяренной Мэри Мидлтон, что если бы не Кэм опозорил ее дочь, так это сделал бы вскоре кто-то другой, учитывая бесстыдное поведение Хелен.

Неужели правда? Кэм до сих пор холодел от этой мысли, но он вынужден был поверить, иначе...

Внезапно Хелен выпрямилась, держа в руке испачканную куклу. Ее лицо порозовело от усилий, непослушная прядь упала ей на нос.

– Распаковываешь вещи? – тихо спросил Кэм.

Второй раз в жизни он увидел, как Хелен покраснела.

– Распаковываю? – ошеломленно переспросила она. – Наоборот! Я их собираю. Должно быть, ящики открыли мистер Ларкин и мистер Стутс. Я этого точно не делала.

Хелен не мигая, с явным беспокойством глядела на него, и на Кэма обрушилась лавина противоречивых мыслей. Первая: расстроенной она выглядит еще красивее. Вторая: Хелен действительно намеревалась уехать. И третья: Хелен по-прежнему считает своим долгом помнить имена его слуг.

Как это на нее похоже. Ей, конечно, уже известно, что Крейн страдает разлитием желчи, Стутс любит азартные игры чуть больше, чем позволяет здравый смысл, а Эмми, служанка на кухне, безнадежно влюблена в Шривза, его грума. Хелен легко заводила дружбу и всегда была несоответствующе приветлива со слугами.

Что до него, то Кэм покрылся испариной, лишь взглянув на нее. Комната вдруг показалась маленькой, пропитанной ароматом духов Хелен. Оттолкнувшись от дверного косяка, он заставил себя улыбнуться.

– Не волнуйся из-за открытых ящиков, ничего же не случилось.

– Благодарю, милорд. – Она слегка присела в реверансе. – Эти вещи будут немедленно убраны.

Шагнув в комнату, он попытался сделать глубокий вдох.

– Ты... значит, ты собираешься уехать? – Кэм говорил непринужденно, но что-то словно сжималось в его груди.

– Разумеется. – Черные, красиво очерченные брови недоуменно сомкнулись. – Я думала, таково ваше желание. – Кэм было открыл рот, но Хелен продолжала: – И вы совершенно правы.

– Прав?

Хелен наклонилась, закрыла дорожный саквояж и поставила его на рабочий столик.

– Честно говоря, мне здесь не так... удобно, как я надеялась.

– Неудобно? – По непонятной причине его вдруг охватила тревога. – Тебе не нравится комната? Могу я что-то сделать...

– Нет, благодарю вас, – перебила Хелен, начиная собирать выложенные из ящика книги и кладя первую стопку в коробку, стоявшую рядом.

Краем глаза Хелен следила, как он с непроницаемым видом идет к столу. Кэм явно недоволен. Но чем? Разве он не велел ей уехать? Теперь же она почувствовала, как воздух вокруг него словно вибрирует от усиленно контролируемых им эмоций.

Сжав руки за спиной, Кэм остановился по другую сторону узкого письменного стола.

– Мисс де Северз. Полагаю, я должен настаивать... – Он умолк и проглотил застрявший в горле комок. – То есть я... я хочу, чтобы вы остались. Я согласен с вашим мнением, что прежде всего я обязан думать об интересах Арианы.

Хелен опустила в ящик еще одну книгу.

– Милорд, вы уже сказали, что мое пребывание здесь неразумно, и вы, конечно, правы. Ваша домоправительница, мисс Нафлз, узнала меня... и спросила о маман! Может случиться, что кто-нибудь упомянет даже наше...

– Ничего не будет упоминаться, мисс де Северз, – холодно перебил ее Кэм. – Никто здесь ничего не знает, а если бы и знал, то не осмелился бы заговорить.

Хелен вспыхнула от уязвленной гордости.

– Однако мое сомнительное происхождение...

– Это мое дело. Я не терплю сплетен и пересудов среди моих слуг.

– Да, милорд, но как мы уже...

– А что касается миссис Нафлз, то, учитывая поведение моего отца, все остальное меркнет в сравнении с его проделками. Обитатели моего дома привыкли к скандалам.

– Я... но вы сказали...

– Не важно, что я сказал, мисс де Северз, – рявкнул Кэм. Его рот превратился в тонкую жесткую линию, и он скрестил руки на широкой груди. – Просто выполняйте работу, для которой вас наняли, и все будут очень довольны.

Хелен слегка оперлась пальцами о стол, изучая выражение лица графа. Она чувствовала, как к ее вискам приливает кровь, а в душе снова борются растерянность и унижение. Она не собачка этого человека, чтобы ей приказывали то сесть, то встать, то уйти, то остаться! Ей не нужны его подачки, а что касается ее репутации, то он первым выразил свою озабоченность по этому поводу. И Хелен еще чувствовала боль от такого отношения.

– Милорд, я не допущу, чтобы вы из-за меня оказались в неловком положении. Я приняла только потому, что приняла условия мистера Брайтсмита. – Она сделала шаг, собираясь отойти от стола.

Но Кэм, будто намереваясь подчинить ее своей воле, накрыл ладонью руку Хелен и сжал ее пальцы.

– Не приписывай мне чужие слова, Хелен, – произнес он вдруг охрипшим голосом. – Я не говорил, что стесняюсь нашей... дружбы. И впредь ты будешь воздерживаться от упоминания этого слова.

Он резко отвел руку в сторону, но лишь затем, чтобы вытащить из ящика книги, и, словно вопрос был решен, стал раскладывать их на столе. Хелен тут же проявила свое знаменитое упрямство, вознамерившись положить книги обратно.

– Перестань, Хелен, – вкрадчиво сказал граф и прижал руками книги к столу. – Посмотри на меня. Посмотри на меня, Хелен!

Та подняла глаза, с упрямым вызовом глядя на него.

– Пожалуйста, отдайте мои книги, – холодно процедила она. – Вы больно сжимаете мне руку.

– Я хочу, чтобы ты осталась, – заявил Кэм.

– Неужели? – Хелен вздернула подбородок. – А как же мои распущенные нравы? Моя дурная французская кровь? И тот беззаботный континентальный образ жизни, который я вела?

Он сурово взглянул на нее:

– Это твое дело, Хелен. Я не бросал тебе обвинений. И я хочу, чтобы ты осталась.

– Я служу, милорд, а не нахожусь в рабстве, – ответила Хелен, еще больше разозленная его покладистостью.

– Черт возьми, перестань со мной пререкаться, Хелен! – сквозь зубы прошипел Кэм. – Я больше не твой покорный обожатель, выполняющий любую прихоть. С твоей стороны весьма неразумно упорствовать.

Хелен все еще держала книги. Ей следовало бы отодвинуться от Кэма, но ее пальцы были зажаты под стопкой книг. По крайней мере, так она говорила себе. А Кэм все так же упорно продолжал смотреть на нее. Сейчас он выглядел другим, гораздо более жестким, чем она помнила.

– Я не пререкаюсь с вами, сэр! – возразила она, переводя взгляд на стопку книг.

Когда он склонился над ней, его лицо оказалось так близко, что Хелен чувствовала его дыхание, от которого даже слегка шевелились ее волосы, чувствовала жар его гнева, смешанный с чистым запахом мыла для бритья. В его хватке она ощутила неведомый ей раньше безжалостный напор. Хелен ощущала его пронзительный взгляд. Этот человек был ей незнаком. Но он стоял так близко, и она знала, что если сейчас опять посмотрит на него, то непременно коснется лбом его подбородка, а их губы окажутся рядом.

– Прошу прощения, – натянуто сказал он. – Я бы хотел, чтобы ты осталась.

Злясь на себя за нежелательное направление мыслей, Хелен выдернула пальцы из-под книг и слегка ободрала кожу, поэтому отвернулась к стене и поднесла руку ко рту. Она уже начинала понимать, и это понимание вызвало у нее неприятный осадок.

Кэм хотел ее. Но стыдился этого желания.

Мужчины часто ее хотели. Ей пришлось узнать, что реакция мужчины на его физическое желание – сложная вещь. Сейчас Кэм злился. На нее, на себя. И в ответ на свой гнев был готов выдвигать немыслимые требования, а потом сводить ее с ума, произвольно меняя их. Находясь слишком близко от нее, касаясь ее, дыша почти у самого уха.

Как же она глупа! Ведь Кэм не пытается ее соблазнить! Просто ему нравится подчинять ее своей воле, использовать мужскую силу, чтобы немного припугнуть ее. Но ей-то какая разница? Она вынуждена зарабатывать себе на жизнь и всегда кому-то подчиняться. Так имеет ли для нее значение, будет ли это Кэм или другой высокомерный аристократ?

Да, он делает скоропалительные выводы и ошибается, но в глубине души Кэм, по крайней мере, всегда был хорошим человеком. И что еще важнее, есть работа, которую необходимо выполнить. Нужно успокоить и утешить ребенка. Ведь она, Хелен, уже здесь, в Халкоте, одном

из немногих мест, где обретается истинное счастье. Разве это не одна из причин, заставивших ее приехать сюда?

Внезапно напряженную тишину нарушило тихое, приглушенное чихание, и взгляд Кэма сразу устремился к большому старому шкафу в углу классной комнаты. Хелен вновь отступила к столу, но Кэм, видимо, ее уже не замечал.

– Ариана, – сказал он удивительно нежным голосом, – выходи из шкафа, дорогая.

Все мысли о только что произошедшем между ними сразу вылетели у Хелен из головы. Граф с тяжелым вздохом подошел к шкафу и открыл дверцу. Внутри, сжавшись в комочек, прижав колени к подбородку, сидела худенькая, светловолосая девочка. Она не издала ни звука, но все было ясно по мрачному выражению ее лица.

Кэм молча наклонился и протянул девочке руку. Моргая от неожиданного света, та послушно взяла ее и неохотно вылезла из своего убежища. Хелен удивилась, что она босая, а волосы у нее растрепаны. Малышка прижимала к себе потрепанную игрушку – зверя непонятной породы.

Кэм поднял девочку на руки и поверх ее всклокоченных светлых волос поймал взгляд Хелен. Нескрываемая боль в его глазах пронзила ее сердце так, как никогда бы не смогли даже самые гневные слова. Кэм любил свою дочь, в этом никто бы не усомнился. Сейчас на его лице были страдание и множество вопросов, остававшихся без ответов.

Сердце Хелен потянулось к нему, как оно тянулось к другим, до него, и внезапно она увидела в Кэме не бывшего возлюбленного или высокомерного лорда, а отца, переживающего за своего ребенка.

Малышка уткнулась в накрахмаленный шейный платок отца, не желая взглянуть на нее.

– Ариана, – спокойно сказал Кэм, – это твоя новая гувернантка, мисс де Северз.

– Доброе утро, Ариана, – бодро произнесла Хелен.

Зарываясь еще глубже в складки галстука, девочка крепче вцепилась в отца.

– Пожалуйста, милая, посмотри на мисс де Северз. Улыбнись ей, хорошо?

Помедлив, Ариана чуть повернула голову, искоса глядя на Хелен прищуренным глазом, но улыбка так и не появилась на ее лице. Хелен изучала девочку, радуясь уже тому, что она выглядит физически здоровой, даже высокой для своего возраста. Кудри были настолько светлы, что казались почти белыми, а глаза... по крайней мере тот, что смотрел на Хелен, был поразительного синего оттенка на фоне розовой прозрачной кожи, а ее личико было круглым, свежим и прекрасным. Вся она казалась воздушной и призрачной, словно была ангелом, а не обычным ребенком.

Хелен посмотрела на ее побелевшие пальцы, вцепившиеся в лацканы сюртука Кэма. Беспокойство девочки столь же очевидно, как и любовь Кэма к дочери. Она впервые ощутила неимоверную тяжесть ответственности, которую так необдуманно взвалила на себя. А если ничего не получится? Тогда она подведет Кэма, человека, который всегда будет значить для нее нечто большее, нежели просто хозяин, давший работу.

– Не беспокойся, Ариана. – Она слегка коснулась рукой худенького плеча девочки. – Я понимаю, тебе уже надоело каждый раз видеть новых гувернанток. Обещаю, что постараюсь научить тебя всему побыстрее.

У девочки мелькнуло подобие улыбки, но в этот момент на пороге комнаты появилась молодая служанка, держа в руке пару маленьких туфель.

– О, прошу прощения, милорд, – торопливо присела она. – Девочка убежала от меня. Я пошла за ее туфлями, а когда вернулась, она исчезла.

– Я понимаю. – Граф опустил Ариану на пол и по-отцовски слегка шлепнул девочку. – Ступай с Мартой, шалунья. И оденься, чтобы за ленчем я увидел тебя в чулочках и туфлях.

После их ухода в комнате словно повеяло холодом, и вернулась неловкость, которая ранее царила между ними. Хелен услышала шуршание книг, будто Кэм перебирал их на столе, но оборачиваться не стала.

– Ну, что же, – наконец печально сказал он. – Вы теперь видите... как она... нездорова, мисс де Северз.

Хелен резко повернулась:

– Я вижу только очень испуганного ребенка, милорд. Об остальном пока рано судить.

– Я всегда был с ней мягок. – В голосе Кэма послышались нотки горечи. – И полагаю, девочку мучает не просто страх.

– Извините, милорд, – ответила Хелен, тщательно подбирая слова. – Я не хотела сказать ничего плохого. И страх редко бывает простым. Особенно у таких маленьких детей, как Ариана, когда им трудно понять разницу между воображаемым страхом и реальной опасностью.

Кэм смотрел на стол, продолжая бесцельно перебирать книги.

– Ты сумеешь помочь ей, Хелен? – наконец спросил он безмерно усталым голосом. – Ты останешься? Пожалуйста...

– Я останусь, – кивнула она. – А смогу ли ей помочь... я молюсь, чтобы это было так. Но я никогда не обещаю... – Она беспомощно замолчала.

Кэм махнул рукой, потом взял одну из ее книг.

– Что это такое, черт возьми? – неожиданно спросил он, словно надеясь разрушить мучительную близость между ними. Потом медленно, как бы обдумывая слова, прочитал название: – «Медицинские исследования и наблюдения за расстройством рассудка»?..

– Ее автор, доктор Раш, учился в Эдинбурге, милорд. Он писал об особых медицинских случаях, касающихся болезней, которые могут воздействовать на умственные процессы человека, а не на физическое состояние тела.

– Осмелюсь утверждать, что имею некоторое представление о той области медицины, которую ты имеешь в виду, Хелен. Но тебе я могу показаться дилетантом.

Хелен не клюнула на эту уловку.

– Что же, – деловито сказала она, – как видите, это учебник Раша по умственным расстройствам. Боюсь, что он уже несколько устарел, но многие продолжили его исследования, и в моей работе гувернантки они мне помогают.

Грусть Кэма, поначалу сменившаяся высокомерием, теперь готовилась перейти в гнев. Яростным движением он бросил книгу на стол.

– Моя дочь, – прорычал он, – не безумная!

Хелен заставила себя рассмеяться и холодно парировала:

– Что вы, милорд, едва познакомившись с Арианой, я, безусловно, не стала бы применять слово «безумная». Однако если ее настроение столь же переменчиво, как ваше...

– Как мое? – прищурился он, потом, к ее огромному удивлению, уголок его рта слегка дрогнул. – Очень хорошо! Ты, черт побери, может, и права. Я безумец! – Он провел рукой по волосам. – Но только не Ариана, и я не позволю относиться к ней как к безумной.

Устыдившись собственного сарказма, Хелен смягчила тон:

– Она, конечно, разумная девочка, милорд. И вообще термин *безумие* несколько устарел. Я много лет работала с врачами, а также с их пациентами и встретила не более полудюжины случаев, которые можно было бы охарактеризовать как безумие. Однажды на лекции в Венском университете...

– Ты имеешь в виду медицинскую школу? – перебил он с сомнением в голосе. – Но ведь женщинам не разрешают изучать подобные вещи.

– Ну да, – признала Хелен. – Но если у человека есть хорошие друзья, можно иногда посещать больницы, незаметно присутствовать на лекциях.

– Хм! – такова была бесстрастная реакция Кэма. Он стал листать другую книгу, и в его глазах появилось любопытство. – А это что?

– Тратат по применению психотерапии, – быстро перевела с немецкого Хелен, радуясь, что Кэмден Ратледж хотя бы не вышвырнул ее книги в окно, как сделал один из ее прежних хозяев. – А вот эта, – сказала она, с нетерпением указывая на третью книгу с загнутыми уголками страниц, – написана моим соотечественником, мсье Пинелем, директором больницы Висктре. Он считал кровопускание или клизмы неэффективными методами лечения умственных расстройств и отверг их.

Кэм поморщился, затем взглянул на нее, подняв густые брови.

– Должен признаться, мисс де Северз, вы меня поражаете. Как, скажите на милость, можно поставить диагноз умственного расстройства? Кстати, я начинаю опасаться, что последние два дня страдаю этой болезнью!

Хелен бросила на него вопросительный взгляд.

– Надеюсь, милорд, вы согласитесь, что термин «умственное расстройство» более предпочтителен, нежели «безумие».

– А разве не может человек страдать и тем и другим? – спросил он с мрачной улыбкой.

Борясь со смехом, Хелен попыталась не обращать внимания на его поддразнивание.

– Возможно, у Арианы умственное расстройство. Я не вправе это утверждать, поскольку я не врач. Но если она сообразительная...

Кэм захохотал.

– Как лиса, – ответил он, возвращаясь к своей обычной серьезности. – Это мнение дилетанта. А ученые мужи настаивают, что она глуповата. Тем не менее год назад я нанял ей первую гувернантку, пытаюсь научить ее читать и считать.

– Я не ошибаюсь, полагая, что она уже начинала говорить? – спросила Хелен, вспомнив слова Брайтсмита.

– Да, первоначально ее словарный запас был даже велик для ее лет.

– Она, конечно, выглядит физически здоровой. Но может ли она учиться? Например, может ли Ариана выполнять словесные приказы? Играть в простые игры? Может ли связно думать?

Кэм заколебался, озадаченный и обиженный натиском Хелен.

– Разумеется. Я убежден, что Ариана неглупа, просто она боится. А если человек не говорит...

– Вот именно, – сочувственно произнесла Хелен. – В таком случае трудно узнать причину, не так ли?

Она решила не мучить Кэма расспросами, пока не проведет больше времени с девочкой. Их разговор явно причинял ему боль, намного полезнее узнать все от самой Арианы.

Глава 4

Но от любви лекарства нет

Неожиданно Кэм придвинул стул, уселся возле письменного стола и жестом пригласил Хелен последовать его примеру. Чтобы сохранить дистанцию, Хелен предпочла сесть по другую сторону. Кэм вел себя так, словно они целую вечность были старыми друзьями, что, впрочем, было недалеко от истины. Поставив локоть на стол, граф оперся подбородком о кулак.

– Послушай меня, Хелен. – Взгляд серых глаз печально устремился куда-то вдаль. – Я желаю Ариане только лучшего, надеюсь, ты это понимаешь? Я хочу, чтобы у моей дочери была счастливая жизнь, и сделаю все от меня зависящее, чтобы она ни в чем не нуждалась. Как в материальном, так и в эмоциональном отношении. И я не допущу, чтобы она стыдилась за себя или за свою семью. Я не позволю, чтобы она росла, как Бентли и Кэтрин, – всегда на грани общественного унижения, когда их будущее определялось мнением света.

Хелен с недоумением посмотрела на него:

– Кэм, я не совсем понимаю, чего ты хочешь от меня.

Кэм слегка покраснел.

– Я слишком отклонился от темы, да? – спросил он с мрачной улыбкой. – На мою долю выпало исправлять положение семьи, как в прямом, так и в переносном смысле. Все, чего я прошу – ради Арианы! – помоги мне понять, что лучше всего сделать, чтобы она была счастлива. Я отказываюсь верить, что моему ребенку невозможно помочь! – Он ударил кулаком по столу. – Просто отказываюсь!

– Кэм, я сделаю все, что в моих силах. Обещаю тебе.

Словно устыдившись всплеска чувств, граф замолчал.

– Извини, – сказал он наконец, – что я поранил тебе палец.

Положив руку на стол, Хелен провела кончиком пальца по царапине.

– Может, я должна попросить еще десять фунтов за опасную работу?

Кэм взял ее за руку и повернул к свету, чтобы получше рассмотреть царапину.

– Думаю, жить будешь, – сухо произнес он, отпуская ее руку.

Хелен аккуратно сложила руки на коленях.

– Да, пожалуй. У меня были раны и посерьезнее.

Кэм никак не отреагировал на ее высказывание и снова замолчал.

– Значит, ты обещаешь остаться? – спросил он.

– Если ты этого хочешь, – ответила Хелен, понимая, сколь неразумно ее решение. – Я останусь по крайней мере на те шесть месяцев, за которые ты заплатил.

Вздыхнув с явным облегчением, граф взглянул на пустой шкаф, дверца которого была по-прежнему открыта.

– Иногда я не могу не думать, что в этом и доля моей вины. То есть Ариана так замкнута, потому что я... Ну, ты наверняка знаешь, какой я.

Хелен откинулась на спинку стула и внимательно посмотрела на него.

– Когда-то я хорошо знала тебя, – тихо призналась она. – В молодости ты был достаточно молчаливым. И вообще чересчур серьезным.

– Это я и имею в виду.

– Вряд ли причина в этом, – сказала Хелен больше себе, нежели ему. – Хотя некоторые виды наследственных заболеваний переходят к детям, однако немота – крайне редко. У Арианы это скорее проявление внутреннего страха. Возможно, реакция на какую-то травму? Но совсем не то, что передается по наследству, вроде кривого носа или голубых глаз.

Кэм вдруг напрягся, и в его голосе зазвучали холодные нотки:

– Я говорю не о наследственной болезни. Я убежден, что дело не в этом. Возможно, страх, о котором ты говоришь, это страх вырасти такой же, как я, – чересчур серьезной, чересчур погруженной в себя. И теперь, когда ее мать умерла, перед ее глазами уже нет никого, кто мог бы служить ей примером обычного, нормального человека.

Хелен видела, что он говорит вполне серьезно.

– Ах, Кэм, это же совершенная ерунда! – успокаивающе засмеялась она. – Лучшего примера для подражания ребенку не найти, потому что с тобой все в порядке. А я, кстати, всегда считала тебя почти совершенством.

– Господи, Хелен! – Он был искренне поражен. – Надеюсь, ты так не считала.

Она даже не заметила, как они стали называть друг друга по имени, но сейчас это казалось вполне уместным.

– Да, ты был в моих глазах совершенством. Возможно, чересчур серьезным, но ведь на тебя всегда давило бремя семейных обязанностей. – Его брови удивленно приподнялись. – Господи, Кэм! Неужели ты считал, что я ничего не вижу? Пусть я была молода, но далеко не глупа. Однако теперь, когда ты повзрослел, я думаю... – Она замолчала.

– Ну, продолжай, Хелен! – проворчал он. – Скажи это.

Она покачала головой.

– Это было бы неприлично.

– Хелен, ты и приличия как-то не совмещаются в моей голове, – с полуулыбкой ответил Кэм. – Выскажись, и дело с концом!

– Извините, лорд Трейхерн, приличия я в себе выработала, и большой ценой. Теперь я стала невероятно скучной, но я все равно скажу. На мой взгляд, вы стали холодным и немного вспыльчивым, хотя я не понимаю, какое отношение это может иметь к проблеме Арианы. Вот! Я все сказала!

Кэм рассмеялся, и его глаза озорно прищурились. В отличие от большинства мужчин его возраста у него не было морщинок, образующихся от смеха в уголках глаз и вокруг рта, тем не менее его смех звучал искренне. Сердце Хелен неожиданно дрогнуло от этого милого знакомого смеха.

– Вспыльчивый и холодный? Только два определения, Хелли? – возразил он, употребив придуманное им для нее старое прозвище. – Боюсь, ты лопнешь, если начнешь сдерживаться и не скажешь всего. – Глаза у него подобрели, и вдруг он показался ей таким молодым и таким нежным.

– Может, в другой раз, – с наигранной легкостью ответила Хелен, вскочив со стула. – Я... мне нужно распаковать вещи и подготовиться. Я начну работу с Арианой, как только она привыкнет ко мне.

– Конечно, – сказал Кэм, тоже вставая. Он задумчиво провел рукой по ее дорожному чемодану, и его пальцы нащупали порванный ремень. – В деревне есть отличный мастер, – рассеянно произнес он. – Отдай чемодан Милфорду, он с удовольствием отнесет его в починку.

Хелен смотрела, как он гладит старую кожу.

– Нет! – воскликнула она, приходя в себя. – То есть... нет, благодарю. Пусть все останется так, как есть. Это напоминание о том, что мне... хотелось бы запомнить.

– Вроде нитки, завязанной вокруг пальца? – улыбнулся Кэм.

– Вот именно. – Чувствуя необходимость срочно занять себя чем-то, Хелен схватила первую попавшуюся на глаза стопку книг и понесла на другой конец длинного рабочего стола. – Вы сказали, что увидите Ариану за ленчем?

– Да, я стараюсь встречаться с ней за едой в полдень, если позволяет время. – Кэм неуверенно взглянул на нее. – А что? Ты бы хотела присоединиться к нам?

– Благодарю, не сегодня. Я уверена, что лучше всего дать ей постепенно привыкнуть к моему присутствию в доме.

– Конечно. – Тон Кэма стал несколько сдержанным.

Хелен начала вынимать из деревянного ящика крошечные музыкальные инструменты.

– Скажи, она была очень привязана к последней гувернантке?

– Нет. Более того, мисс Эггерз была лишь одной из нескольких гувернанток, которые так ничему и не смогли научить девочку. За последние двенадцать месяцев я нанял одну за другой трех гувернанток, и, должен признаться, мы все устали от их приездов и отъездов.

Хелен улыбнулась немного скованно.

– Дай мне знать, когда сочтешь, что она может остаться со мной наедине. А до того момента я понаблюдаю со стороны.

Кэм отвесил ей полупоклон.

– Разумеется, – учтиво произнес он и вышел из комнаты.

* * *

Хелен так увлеклась работой, что пропустила ленч. Она разобрала все ящики и сделала перестановку в классной комнате. Теперь, когда она наконец увидела Ариану Ратледж, ей не терпелось подружиться с девочкой, оценить ее возможности. Но столь же горячо она желала избегать встреч с темноволосым красавцем, отцом Арианы.

Проведя утро в спорах с Кэмом, а затем посмеявшись вместе с ним, она чувствовала странную настороженность и какое-то смущение. Он выглядел на удивление непредсказуемым, его настроение быстро менялось, что ему абсолютно несвойственно. Все это весьма тревожило Хелен, а поскольку день выдался хотя и прохладным, но солнечным, она решила отправиться на долгую прогулку по окрестностям, надеясь, что воздух поможет ей привести в порядок свои мысли.

Выйдя через заднюю дверь, Хелен на минуту остановилась, изучая тропинки, которые вели от Халкота к близлежащим деревням. Ей пока не хотелось знакомиться с новыми людьми, поэтому она пошла по аллее, которая огибала имение, сбегая к нижним пастбищам и поднимаясь на холмы. Оттуда можно полюбоваться и домом, и деревней.

После получаса энергичной ходьбы Хелен нашла прекрасное место, возвышавшееся над Халкотом, и присела на траву отдохнуть. Вдали виднелось трехэтажное главное здание имения, которое грациозно, но отнюдь не величаво возвышалось над окрестностями. На расстоянии дом с его резко очерченными линиями крыши, выступающими боковыми крыльями и глубокими окнами выглядел почти великолепным. Лужайки вокруг него были прелестными, хотя и небольшими, потому что за стенами сада тянулись мили плодородных земель и лесов.

Хелен знала, что Халкот являлся значительной сельскохозяйственной областью еще со времен завоевания Англии норманнами, однако сам дом был выстроен позднее, где-то в 1620 году, одним из предков Кэма по материнской линии. Она вздрогнула при мысли о том, какое разорение земле нанесло безрассудство Рэндольфа Ратледжа, и с радостью увидела, что дом сумел избежать плачевной участи.

С западной стороны открывался прекрасный вид на Честон. Существовавшая с незапамятных времен извилистая дорога сбегала с холма, пробираясь между крошечными, аккуратными садами и деревьями, недавно шелестевшими зеленой листвой, а теперь осыпавшими землю красно-золотистыми листьями. Деревушка имела только улочку с магазинами, одну скромную гостиницу, дом пастора и около десятка коттеджей разной величины, построенных из того же светло-коричневого камня, что и Халкот-Корт.

В детстве Хелен много переезжала с места на место, причем не по своей воле. Но единственным графством Англии, куда она всегда возвращалась с удовольствием, был Глостершир. Возможно, из-за Кэма. Но никто бы не смог отрицать красоту и совершенную умиротворен-

ность Котсуолдса, этого сельского уголка. В садах еще пестрели поздние осенние цветы, часто спускаясь с древних стен на выложенные камнем дорожки.

Впереди, как и девятьсот лет назад, возвышалась церковь Святого Михаила с ее приземистой саксонской башней. Несмотря на то что Хелен неоднократно бывала в Халкоте, она только раз заглянула туда – и то ради проделки с псалтырем. Святое причастие в местной церкви не относилось к развлечениям, которые любил Рэндольф Ратледж.

Церковь Хелен посещала ребенком в тех редких случаях, когда ее водила туда няня. Однако теперь она почувствовала совершенно необъяснимую тягу войти в храм. А почему нет? Ведь она тоже прихожанка, хотя и не постоянная, но имеет право заходить в церковь, как любой верующий.

Издаലെка древняя каменная церквушка, залитая осенним солнцем, манила к себе умиротворенностью, и Хелен инстинктивно почувствовала, что там успокоятся ее хаотические мысли.

А сейчас ей это необходимо – хотя бы небольшая доля умиротворения. Возможно, в храме удастся спокойно посидеть, обдумать и понять, что ей во благо. Возможно, она сосредоточится на том, что действительно важно, сумеет помолиться за облегчение страданий няни от ревматизма.

Приняв решение, Хелен направилась к развилке, где одна тропа вела назад, к особняку, а другая – вниз, к деревушке. Но тут ее взгляд наткнулся на обгоревшие руины. Хелен тут же узнала бывший дом старого егеря, который опустел еще до ее появления в Халкоте, вероятно, когда безрассудство Рэнди Ратледжа достигло предела и он уже не мог позволить себе держать егеря.

Потом Ратледж принимал довольно вялые попытки заколотить окна дома, чтобы туда не проникали странствующие цыгане и жаждущие уединения влюбленные, но безуспешно. Судя по всему, какие-то озорники положили конец существованию домика, остались только стены, грустно возвышавшиеся над заросшими сорняками руинами. В местах, где можно было добраться до травы, мирно пощипывали траву упитанные овцы Кэма.

Одна старая овца вопросительно заблеяла, глядя на Хелен, которая, приподняв юбки, устремилась к церквушке. Ей было невыносимо смотреть на руины дома, они казались ей символом того, что осталось от ее мечтаний в Халкоте: стены вроде целы, но внутри все изменилось до неузнаваемости.

Однако, войдя в тихий, ухоженный дворик церкви, Хелен успокоилась. Низкая каменная стена поднималась, казалось, из земли, словно держа в объятиях и баюкая церквушку. Хелен была увлечена изучением тихого дворика, когда вдали мелькнуло яркое пятно. Через лужайку быстро шагала молодая девушка в зеленой накидке, пробираясь между памятниками на кладбище и направляясь к калитке, выходящей на главную улицу деревушки.

Она повернулась, чтобы поднять засов, и вдруг заметила Хелен. Облако светло-рыжих волос затрепетало на ветру, глаза расширились, как от испуга. На миг их взгляды скрестились. Хелен приветственно подняла руку, но девушка стремительно развернулась, и железная калитка с грохотом захлопнулась за ней.

Сначала Хелен подумала, что девушка узнала ее и решила сторониться, но затем пришла к выводу, что та слишком молода, чтобы помнить беспутную Хелен Мидлтон. Возможно, девушка искала уединения, чтобы помолиться или оплакать кого-то. И все же какое-то неприятное ощущение долго не оставляло Хелен.

Наконец, отмахнувшись от тревожных предчувствий, она пошла по тропе, огибавшей внутреннюю стену. словно притягиваемая неведомой силой, она двигалась к уголку, увитому плющом. Пусть Рэндольф Ратледж уже в могиле, но Хелен все равно до конца не поверит в это, пока сама не увидит ее своими глазами. И она знала, куда смотреть.

И она нашла то, что искала. Значит, это правда. Рэндольф мертв. Она вдохнула запах сырой, недавно вскопанной земли. Резчик еще не успел закончить работу – могила пока оставалась безымянной среди рядов надгробий Ратледжей и Кэмденов. Но это, без сомнения, могила Рэндольфа.

Она улыбнулась. Видимо, не удастся найти подходящую эпитафию для покойного графа Трейхерна. И правда, что можно написать на могиле такого человека? *Ешь, пей и веселись?..*

Хелен пожала плечами и отошла. Прошное лучше забыть. Рэндольф не хотел испортить ей жизнь, он хотел только защитить единственное оставшееся у него богатство – сына. Бедняга, да упокоит Господь его душу, уже мертв, но мысль об этом не грела Хелен душу. По правде говоря, она ничего не чувствовала, глядя на квадрат оголенной земли. Потом ее взгляд упал на соседнюю могилу.

КАССАНДРА РАТЛЕДЖ,
ЛЮБИМАЯ ЖЕНА И МАТЬ.

Там лежал маленький, но изысканный букет свежих цветов, перевитый бело-желтой лентой. Кто-то, судя по всему, очень постарался, потому что цветы были не осенними, а дорогими и явно из теплицы. Взгляд Хелен скользнул к дате, высеченной на камне, потом к калитке, за которой скрылась девушка. Не она ли оставила цветы?

После долгих раздумий Хелен решила, что вряд ли, поскольку девушка появилась далеко от участка Ратледжей, скорее всего из двери самой церквуски. Но кто-то с большой любовью вспоминал покойную миссис Кэмден Ратледж.

Это, без сомнения, Кэм. Проглотив комок в горле, Хелен отвела взгляд от букета. По слухам, Кассандра Ратледж была потрясающе красива, и он наверняка был предан жене, хотя что-то сделало его холодным и ожесточенным. Но ее это не должно касаться, решила Хелен.

А вот Ариана – другое дело. Как трудно маленькой девочке расти без матери! И дата смерти миссис Ратледж – весьма тревожный симптом. Ариана потеряла мать в очень сложный период своего развития. Отчаянно надеясь, что сумеет помочь девочке, Хелен погрузилась в размышления.

Пройдя несколько ярдов по кладбищу, она остановилась полюбоваться розой, которая висала по стене, несколько уцелевших бутонов уже поникли от холода. Внезапно порыв холодного ветра поднял юбки Хелен и осыпал ее дождем из розовых лепестков. Не удержавшись на ее накидке или в лентах шляпы, они упали на разбитый надгробный камень у ее ног.

– О, столь прекрасную картину, я не надеялся увидеть, – раздался из тени веселый голос. – По крайней мере не во дворе моей церкви.

Хелен увидела непринужденно шагавшего ей навстречу молодого мужчину в одежде священника. На фоне заходящего солнца она видела только его силуэт в темном пальто, отметив лишь белокурые волосы, широкие плечи и явно дружелюбный тон.

– Добрый день, – произнес он, подходя к ней и протягивая руку. Сияющая улыбка отразилась в его бездонных голубых глазах. – Разрешите представиться. Томас Лоу, настоятель этой церкви, к вашим услугам.

Хелен пожала его руку:

– Вы очень добры, мистер Лоу. А я – Хелен де Северз, гувернантка леди Арианы Ратледж. Томас Лоу вдруг заговорщицки подмигнул ей:

– Да полно вам, мисс де Северз! Это я уже знаю. Нет, расскажите мне о себе какой-нибудь потрясающий секрет, чтобы я мог передать его за чаем миссис Уимли. Сплетни здесь ценятся очень высоко.

– Боже! – засмеялась Хелен, снимая шляпку, чтобы стряхнуть с нее лепестки. – Надеюсь, я пока не стала предметом сплетен?

– Конечно, нет, – покраснел священник. – Я просто хотел сказать, как мы рады появлению нового лица в Халкот-Корт. Позвольте, мадам. – Он взял ее шляпку и начал осторожно стряхивать засохшие лепестки с темно-коричневого бархата.

Хелен встряхнула накидку, потом забрала у священника шляпку.

– Благодарю, сэр. Вы чрезвычайно учтивы.

– Не стоит благодарности! – Томас Лоу снова ослепительно улыбнулся ей. – А теперь, мисс де Северз... кстати, моя дорогая, это слишком французское имя! – Он поднял изящные светлые брови. – Надеюсь, вы не католичка!

– А это имеет какое-то значение?

Томас Лоу усмехнулся и широко развел руки.

– По правде говоря, небольшое. Я хотел подразнить вас. Но если вы исповедуете добрую старую англиканскую веру...

– Да, – сухо перебила его Хелен.

– Тогда разрешите мне первым пригласить вас в церковь Святого Михаила и сделать вас членом нашей маленькой общины.

– Благодарю. – Внезапно его одежда всколыхнула какие-то воспоминания. – Сэр, не вы ли шли вчера по тропинке у Халкота?

– Вчера? – нахмурился священник. – Нет, мисс де Северз. Хотя я часто хожу тем путем. Мы все так ходим. Это значительно сокращает дорогу к соседней деревушке.

– Да, я знаю, – рассеянно ответила Хелен. – Но я видела кого-то в черном...

– Правда? – задумчиво осведомился Лоу, и его лицо вдруг просветлело. – Это, видимо, был мой викарий Роудз. Теперь припоминаю. Кажется, он собирался навестить кого-то недалеко от соседней деревушки. – Лоу пожал плечами и снова ослепительно улыбнулся Хелен. – Но это мог быть кто угодно, если учесть необычно хорошую погоду. Мне думается, что вы, мисс де Северз, принесли с собой в Глостершир дыхание весны! Так как насчет моего приглашения?

Хелен изучала лицо красивого молодого джентльмена. По правде говоря, он был значительно моложе и, уж конечно, непринужденнее, чем все другие священники, с которыми ей доводилось встречаться.

– Я буду рада посещать вашу церковь, мистер Лоу. И вы фактически первый, кто меня пригласил, потому что я только вчера приехала в Глостершир.

– Превосходно, – сказал он, предлагая ей руку. – Разрешите показать вам церковь и окрестности? Мы по праву гордимся ею. Колокольня и алтарь – саксонские, а северный и южный приделы – норманнские...

Следующие полчаса Хелен провела с Томасом Лоу. Настоятель был весел, но в рамках приличий, и она нашла его общество приятным. Несмотря на молодость, он был фанатично предан своей работе.

Хелен по опыту знала, что слишком много англичан становились служителями церкви, но не в силу своей веры, а из экономических соображений. Она почему-то была рада убедиться, что Томас Лоу, судя по всему, не принадлежал к этой категории, и он, конечно, не допустил, чтобы сан подавил его природную живость. Они медленно шли по прохладным, пропахшим ладаном приделам, где сквозь витражи готических окон пробивались лучи солнца.

Лоу обратил ее внимание на необыкновенно красивые средневековые фрески в южном приделе, подробно рассказал историю каждого витража. Его энтузиазм был заразителен, и впервые за последние две недели Хелен по-настоящему успокоилась.

Показав ей весь храм, Лоу проводил Хелен через дворик к тяжелой двери в толстой каменной стене, которая отделяла церковное кладбище от яблоневого сада Халкота. Дверь угрожающе закрипела ржавыми петлями, когда он навалился на нее.

– Вот так. – С довольным смешком он совершенно неподобающим его сану жестом ударил ногой по двери и указал на тропинку, ведущую к яблоневому саду. – Итак, мисс де Северз,

эта извилистая тропка огибает холм и в конечном итоге приведет вас к огороду позади особняка именина. Оттуда вы найдете дорогу?

Хелен посмотрела в сад, затем повернулась, чтобы взглянуть на священника, пытаясь скрыть грустную улыбку. Она знала сад настолько хорошо, что могла бы дойти до Халкота в кромешной тьме. Но едва ли сможет признаться мистеру Лоу, что значительная часть ее бурной юности прошла в лазании на самые высокие фруктовые деревья в саду Халкота, откуда они забрасывали незрелыми яблоками могилы на церковном кладбище.

В глупом юношеском соперничестве они часто влезали на яблони, чтобы бросить вызов друг другу, и каждый из них выбирал самую дальнюю или недосыгаемую могилу.

Почти во всех играх Хелен был зачинщицей, а Кэм – победителем. Но шли годы, и они с Кэмом все чаще прятались среди ветвей, делясь секретами и гадая, хватятся ли их слуги, которым поручено было придавать некую пристойность странной обстановке, окружающей молодых людей.

Однажды, в великолепный летний день, Хелен, слезая с дерева, неожиданно сорвалась и, закричав от ужаса, упала в протянутые руки Кэма. Сила удара была такова, что оба рухнули на нагретую солнцем траву в облаке муслина и белого кружева.

Хотя она не могла даже вздохнуть, Хелен навсегда запомнила, как он тревожно склонился над нею; его длинные ноги запутались в ее юбках, лицо побледнело от страха. Убирая с ее лица волосы, Кэм отчаянно молил произнести что-нибудь, вздохнуть, закричать, все что угодно... Наконец воздух заполнил ее легкие, и она судорожно вздохнула.

Побелевшее лицо Кэма постепенно обрело нормальный цвет, а затем покраснело, когда он понял, где находятся его руки. Но все еще испуганная и, как обычно, совершенно глупее рядом с Кэмом, она позволила себе прижаться к нему, и его губы приникли к ее губам. Руки у него дрожали, длинные черные ресницы застенчиво опустились. Несмотря на свою неопытность, они целовались так, словно всю жизнь были возлюбленными.

Кэм целовал ее долго и пылко, обхватив ее затылок рукой, уже тогда широкой и сильной от тяжелой работы. Хелен никогда не забудет, как бесстыдно она выгибалась навстречу, как он касался пальцами волос на ее виске, как его губы скользили по ее щеке и лбу. И все время ноздри Кэма нетерпеливо раздувались, словно он задыхался от желания и не мог насытиться ею. Даже в том юном возрасте, лежа под яблоней, Хелен с абсолютной уверенностью поняла, что влюбилась.

С безрассудным отчаянием она притянула Кэма к себе и провела языком по его нижней губе. Так ее мать целовала Рэндольфа, когда оба были немного пьяны и думали, что никто их не видит.

К ее ужасу, Кэм застонал, словно от боли, просунул язык в ее рот, овладевая ею с неистовой, жаркой страстью. Он снова и снова вонзал язык во влажные глубины ее рта, пока она по глупости все сильнее прижималась к нему, и в итоге он уже накрыл ее своим телом. Хелен вспомнила странное тепло, разлившееся в ее животе, а потом, к неимоверному стыду, почувствовала влагу своего желания.

О, эта глупость! Ей и в голову не пришло оттолкнуть его. Только сейчас Хелен стала понимать, как рисковала, не говоря уже о той муке, которой она подвергла Кэма, так бесстыдно отвечая на его поцелуи. Да, сейчас-то она понимала, что подталкивала его, позволяя своим жадным рукам коснуться его плеч, обхватить его узкую талию, скользить дальше в поисках чего-то неведомого и необыкновенно желанного...

– Мисс де Северз? – Голос Томаса Лоу донесся до нее словно издалека. – Мисс де Северз? Вы хорошо себя чувствуете? – Наконец Хелен осознала, что устремила невидящий взгляд в сад Халкота. Она тут же повернулась к настоятелю, ощущая, как вспыхнуло ее лицо.

– Конечно, – пробормотала она. – Я прекрасно себя чувствую. Извините, мистер Лоу. Я просто вспомнила нечто... важное.

Тот с сомнением посмотрел на нее, затем прижал ладонь к ее пылающей щеке.

– Дорогая, вы горите! Наверняка вы переутомились на этой прогулке. Мой викарий сейчас работает в ризнице, могу я послать его за каретой?

– О нет. Прошу вас не делать этого, – возразила Хелен, быстро выходя на тропинку у стены. – Я правда чувствую себя хорошо. Просто задумалась. Сейчас мне о стольком нужно подумать...

– Разумеется, – непринужденно ответил Лоу, как будто принимая ее оправдания. – Я уверен, что у вас много забот. Взять хотя бы нашу дорогую Ариану и ее... недомогание.

– Да, признаться, я все время о ней думаю, – неохотно сказала Хелен. – Я полна решимости помочь Ариане. И полагаю, что смогу.

Лоу посмотрел на нее, удивленно подняв красивые светлые брови.

– Правда? Вы думаете, что ребенка можно научить говорить? Какое счастье!

Хелен неохотно покачала головой.

– Пока еще рано говорить что-то определенное. Но я точно не сумею помочь, если дольше задержусь тут. – Заставив себя улыбнуться, она протянула руку. – Сэр, благодарю вас. Рада была познакомиться с вами.

Стоя на верхней ступени церковной лестницы, Томас Лоу наклонился, чтобы пожать ей руку, и вдруг почему-то накрыл ее ладонью.

– Мисс де Северз, – произнес он, слегка запинаясь, – могу ли я навестить вас завтра в Халкоте... чтобы справиться о вашем здоровье?

Хелен приподняла край шляпки, чтобы получше рассмотреть настоятеля. Его теплые руки, горящие глаза и странная напряженность в лице сбивали ее с толку, она даже растерялась, не понимая, чего он хочет.

– Сэр, я не думаю... видите ли, мы с лордом Трейхерном еще не обсуждали... то есть я ведь только приехала.

– Лорд Трейхерн – мой хороший друг, он не станет возражать. И, как настоятель в Халкоте, я буду считать, что возмутительно обделил вниманием своих прихожан, если не получу возможности убедиться, что вы действительно оправились от переутомления.

Слишком поглощенная собственными противоречивыми чувствами, Хелен пробормотала согласие и покинула настоятеля. Но все мысли о красивом молодом священнике улетучились, когда она стала подниматься на холм.

Посещение церкви не только пробудило у нее прежние мечты. Этот визит усилил ее обеспокоенность состоянием Арианы Ратледж, и она надеялась увидеть девочку после обеда, хотя бы на несколько минут. Если она действительно намерена остаться в Халкоте, то все внимание необходимо уделить ребенку. Хелен не терпелось сделать это, и она ускорила шаг.

Глава 5

Начнешь с уверенности – закончишь сомнениями

Вот тебе и решимость, уверенность и бескомпромиссность в поступках, думал Кэм. Он стоял у окна своей личной гостиной, наблюдая, как Хелен поднимается по холму. Его новая гувернантка явно чувствовала себя как дома в сельской местности, когда шла по высокой осенней траве, обрамлявшей лужайки Халкота.

Граф посмотрел на кошку, нежившуюся в последних лучах солнца на подоконнике.

– Что в этой женщине такого, Боадичея, если она заставляет человека говорить совсем не то, что он собирался?

Мудрая Боадичея зевнула в ответ и ловко перевернулась, требуя, чтобы ей погладили живот. Но Кэм еще не до конца высказался.

– Разве я не шел сегодня наверх с абсолютной решимостью приказать ей уехать? Да и она собиралась сделать то же самое, – тихо пробормотал он. – Впрочем, мне следует забыть о своих предпочтениях, если она поможет Ариане.

Кэм осторожно прижал кончики пальцев к толстому оконному стеклу. От него веяло ледяным холодом, как и от его дома.

Он точно знал, когда Хелен вышла из Халкота. И хотя между ними действительно существовала какая-то метафизическая связь, на этот раз дар предвидения был ни при чем. Когда она уходила, он смотрел ей вслед из окна, словно брошенная хозяином собака.

Кэму стало казаться, что он лишь холодно наблюдал за жизнью сквозь толстое стекло, никогда ни к чему не прикасаясь. И впервые в жизни ему это не понравилось.

Например, после утренней встречи с Хелен он не поехал к одному из своих арендаторов, как обычно, а все утро слонялся по дому, потом неторопливо обедал с Арианой и все это время пытался услышать шуршание юбок Хелен или быстрый стук ее каблучков. Полная бессмыслица. И тем не менее он продолжал ждать у окна, поэтому сразу увидел, что задумал его неугомонный братец.

Бентли перехватил Хелен у огорода, загородив ей путь, и так низко склонился над ее рукой, словно она герцогиня Кентская, а не простая гувернантка. Если бы чертов наглец не взял с собой охотничью собаку и лучшее ружье, Кэм мог бы поклясться, что мальчишка специально все спланировал. Или Бентли тоже следил за Хелен из окна? Эта мысль сводила Кэма с ума, но парня тоже нельзя винить. Раскрасневшаяся от ходьбы, с развевающимися волосами, Хелен была необыкновенно хороша.

Проклятие, щенок все не отпускает ее руку! Он что, делает ей предложение? Гадает по руке? Или вымаливает у нее адрес перчаточника? Кэм возмущенно фыркнул. Бентли, скорее всего, пытается заглянуть в вырез ее платья. Граф ощутил тяжесть в паху и, должно быть, громко застонал, потому что вошедший в этот момент Крейн бросился к нему.

– Милорд? – заботливо спросил он.

Кэм ударил кулаком по оконной раме.

– Ничего, Крейн. Я просто... закашлялся.

– А я уж испугался, что вам нездоровится. – Положив сапожную щетку на столик, Крейн тоже поглядел в окно, словно недоумевая, что могло так увлечь хозяина, и одобрительно вздохнул. – Прелестна, не правда ли? Молодой Бентли, похоже, совершенно покорен.

– Бентли всегда покорен, – рывкнул Кэм, засовывая руки в карманы. – Но с этой ему нужно быть поосторожнее. Она может послать его к дьяволу.

– Именно туда парнишка и может отправиться, – усмехнулся Крейн. – Но сдастся мне, торопиться он не будет. Он, как говорят, может пуститься во все тяжкие. Он слишком похож на отца, чтобы легко отступить. Да, господин Бентли еще поиграет в прятки с дьяволом.

– Ба, да мы сегодня философствуем, – проворчал Кэм, с подозрением глядя на Бентли и его охотничью собаку.

– М-м, – ответил старый дворецкий, не отрывая взгляда от окна.

А там соперник дьявола уже стоял на колене в грязи, изо всех сил заставляя своего энергичного сеттера дать Хелен лапу. Пес, единственный участник комедии, не поддавшийся обаянию Хелен, упорно игнорируя обоих, устремился к грядке с морковью и поднял заднюю лапу.

Бентли этого даже не заметил.

– Крейн, – мрачно поинтересовался граф, кивнув в сторону окна, – миссис Нафлз убрала все корнеплоды?

– Да, сэр.

Камердинер указал скрюченным пальцем на Хелен, которая помогала Бентли встать с земли. Молодой человек театральным жестом схватился за колено, изображая агонию. Хелен, откинув голову, засмеялась, а потом все же сумела поднять его.

– Как вы полагаете, милорд? Темно-лиловый? Или золотисто-коричневый?

Кэм уставился на старика, как будто у того за спиной выросли крылья.

– О чем это ты бормочешь, Крейн?

Тот продолжал глядеть в окно.

– Да платье мисс де Северз, милорд. Вы предпочитаете аметистовый оттенок? Или этот странный оттенок темного золота? Лично я думаю, что аметистовый цвет выгодно подчеркивает ее глаза, но, с другой стороны, при такой гриве черных волос...

– Боже милосердный! – взорвался Кэм. – В саду найдется место и еще для одного поклонника. Иди, Крейн! Попытайся, если думаешь, что у тебя есть шанс.

– Да упаси господи, милорд, – ответил старик, грустно качая головой. – Это совершенно не мой тип! И, подозреваю, очень мало найдется мужчин, которые смогут надолго завладеть вниманием такой женщины. Очень мало. – Крейн неторопливо взял щетку и вернулся к своему занятию. Через несколько минут он снова пробормотал: – Я ведь знал ее мать. До чего красивая была женщина!

– Что? – рявкнул граф, снова отворачиваясь от окна. Кошка бросилась наутек.

– Я... помню... ее... мать, – раздельно повторил камердинер, словно Кэм стал плохо слышать. – Еще когда я был камердинером у вашего отца. И девочку я тоже помню, милорд. А вы разве нет?

– Да, – тихо произнес Кэм, скрестив руки на груди. – Да, я помню ее.

Крейн опять положил щетку.

– Какая она была прелестная и милая, даже совсем юной. И настоящая любимица слуг, знаете ли. Никакого высокомерия, никогда не задавалась.

Кэм хотел сказать, что Мидлтоны по своему общественному положению стояли ненамного выше слуг, так что и задаваться им было не из-за чего, но колкие слова застряли у него в горле.

И тут он наконец понял смысл сказанного дворецким. Это был словно удар грома. Сначала Нафлз, теперь Крейн! Проклятие, кто еще знает о его отношениях с Хелен? И что конкретно? Неужели его внимание к ней столь же явно, как и воздыхания Бентли? Господи, наверное, это еще сильнее бросается в глаза!

– Я всегда гадал, – медленно сказал Крейн, – а не стало бы лучше, если бы ваш отец просто женился на миссис Мидлтон.

Граф подошел к маленькому столику у окна и резким движением выдернул пробку из графина с коньяком.

– Мэри Мидлтон была вульгарной распутницей, которая пренебрегала собственным ребенком, – ответил Кэм, наполняя бокал.

Старик поморщился.

– Очень резкие слова, милорд! У леди было доброе сердце, но она сама была как ребенок.

– Ребенок, говоришь?.. – захохотал Кэм, одним глотком отпивая половину содержимого бокала. – Отнюдь.

Внезапно Крейн оказался рядом с ним.

– Поверьте моему слову, милорд, потому что я старик, который немало повидал. Очень многим женщинам суждено оставаться детьми до самой смерти. Они могут только надеяться, что найдут мужчину – любого мужчину, – который бы о них заботился. Но есть и другие, – продолжал Крейн, поглядев в окно, – которые рождаются... не то чтобы старыми, но мудрыми не по годам. С раннего возраста они знают себе цену и знают, чего хотят.

– Не представляю, о чем ты говоришь, Крейн, – резко сказал граф.

– Нет, милорд? – печально спросил тот. – Очень жаль.

Не ответив, Кэм подошел к звонку и дернул шнурок.

– Милфорд, – велел он, когда дворецкий наконец явился, – передай мисс де Северз, что я хотел бы видеть ее в моем кабинете после обеда, если ей это удобно.

– Хорошо, милорд, – самым мрачным голосом сказал дворецкий и потом долго топтался на пороге. – А что мне делать, если...

– Если что? – раздраженно спросил Кэм.

– Если неудобно?..

– Ей будет удобно, черт возьми! – Долговязая фигура Милфорда тут же исчезла.

Кэм со стуком опустил бокал и уставился в него. Господи, что это с ним? Он никогда не пил до обеда, а сейчас перед ним уже пустой бокал. Он никогда не грубил слугам, а сегодня за четверть часа умудрился обидеть камердинера и дворецкого. Резко повернувшись, он направился к двери.

– Крейн, – сказал он через плечо, сжимая холодную медную ручку.

– Да, милорд? – отозвался старик.

Кэм устремил взгляд на натертый до зеркального блеска дубовый пол.

– Мой сарказм был неуместен. Я сегодня что-то сам не свой. Очень сожалею.

– Я знаю, милорд, – мягко произнес Крейн. – Я знаю.

Еще не успокоившись, Кэм зашагал по коридору, ведущему из его покоев. Возле комнат дочери он вдруг остановился, быстро постучал и вошел. Марта подскочила со стула так, что шитье упало на пол.

Ариана стояла на цыпочках у высокого окна, неотрывно глядя на лужайки. Кэм знал, что она смотрит не на Хелен с Бентли, а вдаль, на старую тропинку, что тянулась от Честона вдоль Халкота к Сент-Андрусу. Девочка часто ходила по ней вместе с матерью, и Кэм снова подумал, не является ли это причиной молчания Арианы. Может, она грустит из-за смерти матери и еще не пришла в себя? Минуло столько времени, а ему это до сих пор неизвестно. Как он ни умолял, как ни уговаривал, как ни ругался, он не смог добиться от Арианы хотя бы слова.

– Добрый день, Марта, – тихо сказал он. – Как дела?

Марта подняла брови, но ее лицо ничего не выразило.

– Как обычно, милорд. Мисс Ариана заинтересовалась происходящим за окном. Наверное, яркими листьями... они такие красивые – золотистые, красные.

Граф хотел было напомнить девушке, что листья почти все опали и Ариане это неинтересно. Но он знал, что Марта так сказала по доброте. Да и что она могла сказать? Ариана часто сидела у окна, если не пряталась в чуланах, в шкафах или на чердаке.

– Спасибо, Марта. Почему бы тебе не пойти на кухню выпить чаю? Я хочу немного посидеть с Арианой.

Марта присела в реверансе и молча вышла, ибо такие визиты давно вошли в привычку у Кэма. Он по своему обыкновению направился к старому креслу-качалке, стоявшему в углу. Словно почувствовав его присутствие, Ариана оглянулась, и Кэм поманил ее к себе:

– Иди сюда, шалунья. Составь компанию твоему бедному старому папе, а?

Ариана едва заметно улыбнулась, подошла к отцу, забралась к нему на колени и свернулась клубочком у него на груди. Кэм медленно качал ее, как он делал это с самого рождения дочери. Прижавшись щекой к мягким белокурым волосам, он вспоминал прекрасные дни – счастья, надежды, потому что будущее Арианы казалось таким ярким.

Она была не просто здоровым, веселым младенцем. В шесть месяцев Ариана начала ползать, дергая его за брюки, играя на струнах его сердца. Да, он не хотел этого ребенка, но было невозможно не полюбить прекрасное голубоглазое создание, потом ему стало казаться, что он полюбил ее с первого взгляда. Ариана развивалась с поразительной быстротой. В девять месяцев она уже ковыляла без посторонней помощи, а к году могла разговаривать простыми предложениями.

– Вундеркинд! – восклицал их семейный доктор, весело теребя шелковистые волосы Арианы. – Вы должны обеспечить ее всем лучшим, господин Ратледж. Великолепные книжки с картинками! Отличных гувернанток! И разумеется, отличную школу, потому что девочка будет особенной.

Вместо того чтобы прятаться от него и плакать, Ариана смеялась; ее глаза озорно блестели, словно они с доктором только что потешались над какой-то известной только им шуткой.

– Обязательно, не сомневайтесь, Мастерз, – обещал Кэм со смехом. – Можете не сомневаться.

Он и сам знал, что Ариана уже нечто особенное. Но старый доктор Мастерз умер четыре года назад, а обещания, которые он дал ему – и Ариане, – остались практически не выполненными. Да, он купил ей книги с картинками, нанял гувернанток. Но какой от них прок, если Ариана не может ими воспользоваться?

С тихим стоном граф крепче прижал дочь к груди. Боль была почти невыносимой.

«Пожалуйста, пожалуйста, – твердил он про себя в такт поскрипыванию старой качалки. – Пожалуйста – хотя бы сейчас, – пусть мое предчувствие окажется верным. Пусть Хелен знает, что делать».

Хелен чуть сдвинула назад шляпку, чтобы лучше видеть стоящего перед ней красивого молодого человека. Рэндольф Бентам Ратледж был столь же высок, как и его брат, почти столь же красив и в два раза очаровательнее. А если не замечать за его искусной улыбкой юной наивности в глазах, то в остальном он выглядел значительно старше семнадцати лет. Да, Бентли поразительно похож на своего отца как лицом, так и шармом.

Если мать Кэма именно таким увидела впервые Рэнди Ратледжа, то неудивительно, почему бедная женщина поддалась на его лстивое ухаживание.

Юный Бентли, в тяжелых сапогах и длинном тускло-коричневом плаще, был значительно выше шести футов. В согнутой руке он держал охотничье ружье с элегантной резьбой на прикладе, а из-под широкополой шляпы сияла улыбка, которая могла бы растопить льды Арктики.

Несмотря на его молодость и свой опыт, давшийся ей дорогой ценой, Хелен почувствовала, что слабеет под натиском очарования Ратледжа. Она попыталась отгородиться от этого натиска самой холодной улыбкой.

– Пожалуйста, продолжайте вашу охоту, пока окончательно не стемнело, господин Ратледж. Уверяю вас, я вполне способна найти дорогу домой, тем более что до него осталось всего ярдов триста. – Кивком головы она указала в сторону задних ворот.

Бентли Ратледж секунду выглядел подавленным, но уже через миг сияющая улыбка вновь осветила его лицо.

– Знаете, по-моему, скоро будет темно, чтобы охотиться, мэм. Как замечательно с вашей стороны напомнить мне об этом! Пойдемте и разрешите мне еще несколько мгновений насладиться вашим очарованием...

– Думаю, не стоит, господин Ратледж, – твердо ответила Хелен.

Полная нижняя губа Бентли обиженно выпятилась.

– Тогда поиграем в триктрак в желтой гостиной? Клянусь, в Халкоте ужасно тоскливо, я чрезвычайно рад, что вы приехали развлечь нас.

– Я приехала, господин Ратледж, – произнесла Хелен ледяным тоном, – чтобы заниматься с вашей племянницей, а не развлекать красивых молодых людей, у которых времени больше, чем ума.

– О! – довольно воскликнул он. – Мне нравятся женщины с огоньком, мисс де Северз. Можно называть вас Хелен? – Его улыбка стала еще шире.

– Нет.

– Я раздавлен, – простонал Бентли, явно не теряя энтузиазма.

– Что-то я сомневаюсь в этом, господин Ратледж, – сухо парировала Хелен. – А теперь пожелаю вам всего доброго. Было очень интересно познакомиться с вами. И с вашей собакой. А также помочь вам подняться на ноги...

– Ах да! Насколько мне известно, вытащить мужчину из грязи по плечу только особенным, лучшим женщинам.

– Не стоит благодарности, господин Ратледж. А теперь, прошу вас, идите.

– Ну, пожалуйста, мэм, всего одну игру в триктрак? И может, бокал хереса? – просительно затянул он, внезапно став похожим на ребенка, каким он, по сути, и был.

Хелен уловила нотки одиночества в его голосе и была поражена, насколько он не похож на старшего брата. В семнадцать лет сила и мужество помогли Кэму перенести все тяготы в стоическом молчании. Но Бентли Ратледж никогда не будет молчаливым, он станет требовать желаемого и, скорее всего, получит. Тем не менее братья все же имели нечто общее. Ни один из них не был счастлив в детстве. Хелен не сомневалась в этом, и выражение лица, должно быть, выдало ее чувства.

– О, замечательно, мисс де Северз! – воскликнул Бентли, очаровательно хлопая в ладоши. – Вы сжалились надо мной. – С нетерпеливым вздохом он предложил ей руку, и она слегка оперлась на нее.

– Только одну игру, господин Ратледж, – процедила она сквозь зубы. – И только если вы согласитесь на мои условия.

– Ваше желание для меня закон, мисс де Северз.

– Пригласите Ариану. Я хочу поближе узнать ее, но она пока меня побаивается. Я хочу, чтобы вы использовали свое обаяние и уговорили ее присоединиться к нам. Мне почему-то кажется, что у вас с этим не возникнет проблем.

– Должен сказать, девчушка обожает меня, – кивнул Бентли.

– И почему меня это не удивляет? – сухо поинтересовалась Хелен. – А пока мы будем играть, господин Ратледж, вы мне объясните, что делает здесь студент Оксфорда в разгар триместра. Я не так долго отсутствовала в Англии и еще не забыла учебный календарь.

При этих словах у Бентли хватило совести покраснеть.

– Понимаете, меня на этой неделе отослали из Оксфорда.

– Нет, господин Ратледж, совершенно не понимаю, – живо возразила Хелен. – Вот это мы и обсудим.

На Котсуолдс опустилась ночь, темная, без единой звездочки, в воздухе повеяло холодом. В неярко освещенном кабинете сидел Кэм, расположившись в глубоком кресле вместе

с Боадиссеей. Он исправно поглаживал кошку, тщетно пытаясь насладиться созерцанием огня, пылавшего в камине.

В этот момент пробило восемь, и Кэм вытащил карманные часы, чтобы сверить время.

– Хелен опаздывает, – с удивлением сообщил он кошке, потому что, несмотря на свое пренебрежение условностями, Хелен всегда была пунктуальной и ответственной.

Правда, раньше он как-то не задумывался об этом контрасте в ее характере. А сейчас, после долгой разлуки, Хелен вообще казалась воплощением противоречий, но столь же таинственной, столь же интригующей. И столь же опасной. Вглядываясь в темные углы комнаты, Кэм пытался напомнить себе, что один мимолетный взгляд этих темно-синих глаз когда-то превратил его в сраженного чувствами глупца.

То же самое Хелен, видимо, сотворила и с Бентли, хотя тот и сам не прочь был поддаться ее чарам, когда она появилась на его пути. Кэм уже не был юнцом, однако начал опасаться, что, когда дело касается Хелен, самодисциплины у него не больше, чем у брата. Глядя на них в окно, граф твердил себе, что оба тревожат его, что она чересчур дружелюбна, а он настолько лишен здравого смысла, что это опасно для них обоих. Тем не менее Кэм вынужденно признал, что большую часть в его чувствах занимала зависть.

Покинув комнату Арианы, но так и не успокоившись, Кэм вернулся к себе, чтобы проверить планы строительства новых коттеджей для своих арендаторов, однако, войдя в кабинет, он впал в еще большее раздражение, когда услышал мелодичный смех Хелен и более глубокий смех Бентли, доносившийся из прилегающей к кабинету желтой гостиной. Он казался неестественным, почти неуместным.

Тут Кэм вдруг понял, какой редкостью стало в Халкоте веселье. Тем не менее он не мог ощутить благодарность, поскольку вопреки здравому смыслу злился, что его брат, а не он сам наслаждается смехом Хелен.

Кэм сердито распахнул смежную дверь, прошел через узкий коридорчик и, войдя в гостиную, увидел их склоненными над карточным столиком. Они были увлечены игрой в триктрак.

Граф еще больше рассердился, когда заметил, что рука брата лежит на талии Арианы и он качает ее на коленях, весело объясняя, какой «потрясающей» гувернанткой будет мисс Хелен. Атмосфера близости и теплоты была очевидной, а девочка, которую сегодня утром пришлось чуть ли не силой вытаскивать из шкафа, казалась почти довольной! И она с явным интересом следила за Хелен.

Хелен тоже это заметила и уговорила девочку встать у ее стула. Хотя Ариана отказалась сесть ей на колени, но стояла рядом и внимательно слушала ее объяснения о правилах игры. Хелен разительно отличалась от прежних учителей, объясняла все простыми словами и не выказывала снисходительности.

Кэм провел около получаса, стараясь приобщиться к их веселью и наблюдая, как Хелен нанесла завершающий удар его хохочущему брату. Внезапно граф повернулся и покинул комнату. Даже теперь он не мог понять, отчего ушел так поспешно.

Он лишь знал, что, когда смотрел на правую руку Хелен и на свою дочь, застенчиво улыбающуюся рядом с ней, его неотвратимо притягивало к созерцанию этой сцены некое сладостно-мучительное чувство. Кэм ощутил... нечто более сильное, чем просто физическое желание.

– У колдунов бывают домочадцы? – Глубокий, чувственный голос прервал его размышления.

К огромному недовольству кошки, граф резко вскочил с кресла.

– Что, извините? – спросил он, когда Хелен появилась в круге света от лампы.

– Просто вы казались таким мрачным и надутым. Даже весьма зловещим, сидя в темноте. А поскольку кошка явно следует за вами по пятам...

– Я бы не удивился, обнаружив, что Боадия обладает сверхъестественной силой, – сухо ответил Кэм, пересек комнату и подошел к столу. – К несчастью, я смертен. Не желаете присесть? – Он указал на кресло напротив себя.

После обмена любезностями граф откинулся на спинку кресла, пристально глядя на Хелен через стол. Несмотря на решение поговорить этим вечером с Хелен, он предпочел держаться от нее подальше. Он не мог позволить себе повторения того, что произошло в классной комнате. Да, он хотел, чтобы Хелен осталась в Халкоте, но лишь потому, что Ариане нужна учительница. Он не хотел смеяться с такой же легкостью и заразительностью, не хотел отказываться от своей настороженности или с открытым сердцем довериться ей. Однако Хелен, пусть неосознанно, побуждала его сделать именно это и даже нечто похуже. Она заставила его почувствовать давно подавляемое желание стремиться к тому, что он не осмеливался назвать словами.

Возможно, они с Бентли слишком похожи на своего отца. Разница лишь в том, что он боролся с наследственностью, а брат, похоже, стремился бравировать ею. А когда появилась Хелен, ему стало значительно труднее вести эту борьбу. Вчера он почему-то ощутил себя в ее присутствии зеленым юнцом. Его чувства бушевали, разум померк, казалось, он дышать не мог, словно чертов галстук был завязан слишком туго.

А прошлой ночью, когда он предавался воспоминаниям, брюки стали бы ему слишком тесны в определенном месте, не надень он до того ночную рубашку. Это была чертовски изнурительная, бессонная ночь. И он не собирался испытывать новые мучения. Но раз ему необходимо обсудить ряд важных моментов с гувернанткой, то лучше сделать это сразу.

– Полагаю, ты интересуешься, зачем я пригласил тебя сюда этим вечером? – начал Кэм.

Черные волосы Хелен сверкали, как шелк, в отблесках света. «Красота подобна ночи...» Вновь и вновь всплывали в его памяти слова Байрона. Он позволил взгляду скользнуть по изящной шее, к глубокому вырезу ее платья, обольстительно прикрытому кружевной косынкой. С трудом оторвав от нее взгляд, Кэм принялся наводить порядок на столе, тщательно выстраивая предметы в идеально ровную линию.

Хелен, казалось, слишком пристально следила за его пальцами, но ее голос прозвучал холодно и бесстрастно:

– Нет, милорд. Я у вас работаю. И я предположила, что необходимо что-то обсудить. – Она посмотрела на него, и в ее взгляде было только вежливое внимание.

– Так оно и есть, – ответил Кэм, подавляя глупую вспышку разочарования и сосредоточившись на пачке корреспонденции. – Я считал, что мы не закончили наш разговор об Ариане. Перед обедом я поговорил с ней, объяснил, что ты не обычная гувернантка. Что ты... что мы с тобой друзья.

– Вы так сказали? – удивилась Хелен.

– Да, – подтвердил он и замолчал, чтобы сложить безукоризненно ровную стопку бумаг. – Кажется, это помогло. У меня сложилось впечатление, что она чувствовала себя довольно спокойно с вами.

– Да, я заметила это с громадным облегчением, – признала Хелен.

– И я тоже. Почему бы тогда не начать занятия в классной комнате прямо завтра? Я не вижу причин тянуть время, если только Ариана не будет противиться.

– Благодарю вас. – Хелен помолчала и сделала глубокий вздох. – Но прежде, милорд, я бы хотела вас спросить...

– Разумеется, – ответил Кэм, быстро взглянув на нее. В голосе Хелен прозвучали непривычные для его уха нотки сомнения.

– Можете ли вы рассказать мне про обстоятельства, заставившие Ариану потерять речь? – тихо спросила она. – У меня нет желания любопытствовать или беречь старые раны, но я была сегодня на церковном кладбище...

– Кладбище? Зачем, скажи на милость?

Хелен наблюдала за хозяином, который достал перочинный нож и стал заточивать перо.

– Я ходила на прогулку, – сказала она, следя за точными движениями его пальцев.

У Кэма были красивые руки, немного большие и натруженные для, скажем, рук художника, но все равно быстрые и грациозные. Однако в каждом его движении чувствовалось стремление контролировать не только себя, но и все вокруг него.

Сделав глубокий успокаивающий вздох, Хелен заставила себя посмотреть ему прямо в глаза.

– Я проходила через кладбище и заметила могилу вашей покойной жены. Мне бросилась в глаза дата. Учитывая возраст Арианы, невозможно не заметить, как дата смерти близка к...

– Да, – перебил ее Кэм, открывая ящик письменного стола. – Я знаю, что ты хочешь сказать. Ты права. Ариана перестала говорить после смерти ее матери.

– Бедный ребенок, – вздохнула Хелен. – Это, должно быть, потрясение.

Кэм прекратил наводить порядок, на его лице появилось выражение глубокой печали.

– Сначала и мы так думали, – тихо произнес он. – Но чем упорнее мы пытались расспросить ее, тем больше она замыкалась. Со временем шок, кажется, прошел, но речь не вернулась.

– Тогда мы имеем дело с чем-то гораздо более сложным, нежели горе.

– Согласен. К тому же Ариана и ее мать не были особенно близки.

– Не были близки? – Хелен решила, что ослышалась. – Простите, но я не могу представить...

Широкие плечи Кэма словно поникли, но голос не дрогнул.

– Горькая правда состоит в том, что мою жену не удовлетворяла ее роль в жизни. Оглядываясь назад, я понимаю, что Кассандра не была готова стать матерью. Кроме того, ее совершенно не прельщала роль жены сельского сквайра, кем я, по сути, и являюсь.

– Но ведь она вышла за вас? – возмутилась Хелен.

Кэм одарил ее взглядом, полным цинизма.

– Мой тесть жаждал титула для своей семьи, Хелен. Отец унаследовал графский титул своего дяди, который был стар, болен и одинок. – Его рот скривился в грустной усмешке. – О, все это было сделано довольно тонко, но семья Кассандры заставила ее выйти за меня замуж, как, впрочем, и мой отец заставил меня жениться на ней.

– Заставил? Я не понимаю.

– Деньги, Хелен, – горько рассмеялся Кэм. – Разве все и всегда не сводится к деньгам? Твоя мать, мой отец – они были как своенравные дети, раскапризничавшиеся в кондитерском магазине, без всякого представления о самодисциплине.

Не дождавшись ответа, Кэм взял со стола тонкую, в золотистом переплете книгу, полистал ее.

– Как однажды сказал наш дорогой Байрон? «Давайте пить вино и любить женщин, веселиться и смеяться; а проповеди и лимонад – это послезавтра». – Кэм захлопнул книгу и устремил невидящий взгляд в темноту. – Правда, отец так и не добрался до второй половины, где проповеди и лимонад, – тихо добавил он.

– А не могла Кассандра просто отказать вам?

Кэм издал саркастический смешок и бросил книгу на стол.

– Ее отец был простолюдином, мечтавшим о внуках голубых кровей и с древнем именем, и он был полон решимости купить услуги жеребца, способного обеспечить все это.

Хелен в душе содрогнулась. Нарисованная им картина была жестокой, но, судя по всему, достоверной.

– Милорд, подробности вашей женитьбы меня не касаются, но могу я задать один вопрос о смерти вашей жены? – Хелен старалась говорить как можно спокойнее, не допуская вызывающих ноток в голосе. – Было ли в ней что-то... слишком тяжелое для понимания Арианы?

Иногда дети становятся свидетелями таких вещей, которые могут заставить их просто отгортиться...

Хелен замолчала. Кэм неотрывно смотрел на нее, и в глазах его промелькнула нестерпимая боль.

– Ты хочешь сказать, – после долгого молчания произнес он, – что человек может увидеть нечто, испугавшее его, и поэтому теряет способность говорить?

– Нет, не теряет. А... неосознанно подавляет ее. Вы понимаете разницу?

Кэм замер с ножом в руке.

– Наверное, это было как-то связано с пожаром, – сказал он, кладя перочинный нож обратно в ящик.

– Простите, что вы сказали?

Кэм резко выдохнул, как будто его ударили в живот.

– Моя жена Кассандра погибла во время пожара. Возможно, Ариана видела это или что-то еще страшнее. – Он провел рукой по волосам, наконец забыв о перьях и бумагах.

– Это было в Халкоте? Ариана тоже пострадала? Боюсь, мне необходимо это знать.

Кэм вновь устремил на нее пристальный взгляд, словно забыл, что Хелен находится с ним в одной комнате.

– Нет, не здесь, – бесстрастно сказал он. – Это случилось, когда Ариане было всего три года. Однажды поздно вечером один из арендаторов Халкота нашел ее бродившей в одиночестве по лесной тропинке. Ему показалось, что в лесу виден дым, но он сначала поспешил отвести Ариану домой. Потом мы, конечно, отправились в лес, но к тому времени огонь уже бушевал всюду. Было слишком поздно.

– Слишком поздно?

– Слишком поздно, чтобы спасти мою жену, – ответил Кэм без малейших эмоций. – Кассандра погибла в огне. В домике старого егеря.

– Д... да, я помню его.

– Мы до сих пор не знаем, что случилось, как Ариана оказалась в домике и была ли она там вообще. Складывается впечатление, что она пыталась найти дорогу домой.

– Но это больше мили отсюда! Трехлетний ребенок вряд ли мог пройти такой путь один. Лицо Кэма стало совершенно непроницаемым.

– Да, казалось, что невозможно. Однако Ариана часто ходила с матерью той дорогой. Кассандра любила гулять с ней в лесу. Это было одно из их немногих общих увлечений.

С десяток неприятных вопросов крутилось в голове Хелен, но ей страшно не хотелось их задавать. Теперь она имела некоторое представление о причинах душевной травмы Арианы, и, как она подозревала раньше, это было не просто горе от потери матери. Но почему Кассандра Ратледж оказалась в домике егеря? Как начался пожар? Был ли бедный ребенок с ней? Или девочка пыталась найти ее?

Но менее всего она имела право задавать вопрос о том, любил ли Кэм жену. Неужели горе так изменило человека, которого она когда-то любила? Хелен решительно гнала от себя эти мысли. Страдания Кэма ее не касаются, ее должны беспокоить только беды Арианы.

– Милорд, еще один вопрос, если позволите. Сколько врачей осматривали Ариану?

– Трое, – резко сказал он, сузив глаза в молчаливом предупреждении.

– Их диагноз?

– Можешь назвать любой, – рявкнул он. – Моя дочь реагирует на врачей не лучше, чем они на нее, то есть совершенно неразумно. Ты должна увидеть ее, когда она вспылит, чтобы представить, насколько она может быть несдержанной.

– Но девочка испугана! Оттого и плохо себя ведет.

– Именно это я и пытался им сказать. – Кэм одобрительно посмотрел на Хелен. – Но для них она просто своенравная, капризная, тупая или ненормальная. Их лечение сводится к кро-

вопусканию, порке, изоляции, даже изгнанию бесов. Один изобретательный лекарь предложил все четыре средства на всякий случай.

Хелен пришла в ужас, вспомнив, как читала ему лекцию о докторе Пинеле. Неудивительно, что Кэм вздрогнул и сменил тему. В разное время столь ужасные методы считались приемлемыми для широкого круга людей, страдающих умственными расстройствами. И ни один не был эффективным.

А в случае с Арианой любой из них мог причинить огромный вред. Она судорожно вздохнула:

– Милорд, вы же не...

– Ты чертовски права, я не согласился. Я отослал их прочь. Вместе с их пиявками и настойками опия. Их приезды доставляли только ненужные огорчения, и каждый последующий визит был тяжелее предыдущего. Бедному ребенку пришлось терпеть, когда ее один за другим осматривали, расспрашивали и уговаривали незнакомые мужчины.

Внезапно гнев его утих, оставив после себя невероятную усталость.

– Хелен, – тихо сказал он, – я просто не знаю, что делать дальше. Это разрывает мне сердце. И если это невыносимо для меня, то каково Ариане?

Словно моля ее о помощи, Кэм вытянул руки и положил их на стол ладонями вверх. Хелен пришлось изо всех сил бороться с желанием ответить на его жест. Но она проглотила слова утешения и заговорила, абсолютно неумышленно, холодным, профессиональным тоном:

– Несомненно, милорд, это крайне тяжело для Арианы. Но улучшение наступит. Мы будем терпеливы и последовательны.

Кэм откинулся на спинку кресла, словно ждал от нее другого ответа, и Хелен вдруг почувствовала, что ей нужно уйти, что неразумно оставаться так близко к нему. Она встала, озабоченно разглаживая юбку как раз в тот момент, когда пробили часы.

– Уже поздно, милорд, – тихо сказала она. – Я пойду, если я вам больше не нужна?

Глава 6, в которой Трейхерн познает горечь любви

Кэм долго смотрел на нее, потом нечто вроде капитуляции промелькнуло в выражении его лица.

– Я... нет. Пожалуйста, останься, Хелен, – почти с отчаянием попросил он. Сейчас он напоминал человека, который не хотел оставаться один на один со своими призраками. – Я устал обсуждать мои проблемы. Лучше сядь и расскажи о себе. Мы не говорили о твоих занятиях, о том, как ты стала учительницей.

Хелен неохотно вернулась на место.

– Вы желаете проверить мои рекомендации?

Ей вдруг показалось, что в комнате мало воздуха и неуютно. На долю секунды Кэм ослабил жесткий контроль над собой, и Хелен увидела в его сильном лице признаки одиночества. Но она могла предложить ему только свои знания и навыки, чтобы заботиться о его дочери. И не более.

Кэм медленно покачал головой.

– Нет, все твои рекомендации у меня есть, – очень тихо сказал он. – Я хочу знать, где ты побывала, что делала. Расскажи мне... как ты жила, Хелен, с тех пор как мы... как ты уехала.

Она растерялась. Человека, поднявшегося до такого высокого положения, как граф Трейхерн, вряд ли могло интересовать, где она провела все эти годы. Более того, она совершенно не хотела оставаться с ним наедине. Явные страдания Кэма и привлекательные черты его лица были слишком волнующим сочетанием для женщины, которую готовили утешать тех, кому больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.